

ХОСЕ КАРЛОС СОМОЗА

ДАМА
НОМЕР

≈ 13 ≈

Я твердо верю, что возможность создать новый текст — это единственная настоящая магия, которой мы все еще обладаем: можно строить миры и населять их, вершить судьбы, изменять жизнь.

Хосе Карлос Сомоза

Annotation

Слова, слова, слова... Невесомые обозначения предметов, чувств, явлений; слова обыденные, бедные, возвышенные, лукавые, сплетающиеся в строки и строфы, оценивающие и соблазняющие... Они обладают невероятной силой воздействия и могут оказаться опасными, даже убийственными.

Замечательный испанский писатель Хосе Карлос Сомоза, лауреат множества литературных премий, в увлекательном романе, мрачном и вдохновенном одновременно, предлагает погрузиться в стихию поэзии, которой управляют владычицы слов и снов — загадочные дамы. Роли двенадцати из них определены, но существует и таинственная тринадцатая...

Может быть, именно она виновна во множестве странных и страшных явлений, свидетелями и невольными участниками которых становятся преподаватель литературы Саломон Рульфо и Ракель, девушка по вызову?

Впервые на русском языке!

Хосе Карлос Сомоза

Дама номер 13

*Посвящается Хосе Марии Монтесино и Кончите Хименес.
И конечно же, Асааре*

*О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленья да поймет,
Сокрытое под странными стихами!*

Данте. Ад. Песнь IX^[1]

José Carlos Somoza

LA DAMA NÚMERO TRECE

Copyright © José Carlos Somoza, 2003

All rights reserved

Перевод с испанского Елены Горбовой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© *Е. Горбова, перевод, 2017*

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство ИНОСТРАНКА®

I. Сон

Тень скользила между деревьев. В густых кустах и ночной тьме тень казалась бестелесной, но это был молодой человек — волосы длинные, одет просто. Выйдя из зарослей, он остановился. Постояв немного, как будто хотел убедиться в том, что путь свободен, он двинулся через сад по направлению к дому. Дом был большой, фасад его украшала белая колоннада в греческом стиле. Человек поднялся по ступеням на галерею, с невозмутимым спокойствием проник в дом, прошел, не включая света, по коридору первого этажа и остановился перед закрытой дверью первой спальни. Здесь он вынул из кармана один из тех предметов, что были у него с собой. Дверь бесшумно отворилась. Кровать, что-то на ней, в ворохе простыней, звук дыхания. Он вошел, подобный туману, проник легче, чем наплывающий кошмар, приблизился к постели и разглядел руку, щеку, закрытые глаза спящей девушки. Тихонько сместил ее руку и за миг до ее пробуждения приподнял ее изящный подбородок, открыв обнаженную шею, россыпь родинок, пульсирующую под кожей жизнь; коснулся острием предмета в руке некой точки на шее и надавил легким и точным движением. След, похожий на рассыпанные красные лепестки, потянулся за ним до второй спальни, где спала другая женщина. Когда он вышел оттуда, руки его стали совсем мокрыми, но он их не вытер. Пошел обратно по коридору, разыскивая лестницу на второй этаж.

Он знал, что наверху — его главная жертва.

Лестница привела его в другой коридор — довольно короткий, с ковром на полу и бюстами классиков по сторонам. Тень идущего человека поочередно наползала на бюсты Гомера, Вергилия, Данте, Петрарки, Шекспира — безмолвных и недвижимых в мертвом камне, ничего не выражающих, как отрубленные головы. Он дошел до конца коридора, потом пересек холл, освещенный волшебным зеленым светом, который испускал водруженный на деревянную подставку аквариум. Вещь заметная, но он не остановился. Распахнул двойные двери рядом с аквариумом, и свет фонарика высветил люстру под потолком, два кресла и кровать под балдахином. На постели — нечеткие контуры тела. От резкого движения, сорвавшего простыни, человек проснулся.

Это молодая девушка с коротко стриженными волосами и тонкой, даже хрупкой, фигурой. Она спала обнаженной и когда поднялась, соски на ее маленьких грудях устремились прямо к лучу фонаря. Свет слепил ее голубые глаза.

Не было никакого обмена репликами, ни одного звука.

Просто он

нет!

навис над ней.

не хочу

Ночь снаружи шла своим путем: глазела на мир золотыми очами-монетами совы, на ветви ложились кошачьи тени. Звезды выстраивались в загадочный узор. Тишина несла в себе чье-то жуткое присутствие, будто самого бога возмездия.

В спальне все уже было кончено. Стены и постель окрасились алым, части тела девушки

были разложены на постели. Голова щекой вниз — отдельно от тела. Из шеи торчало что-то, напоминавшее увядшие стебли растений над узким горлышком вазы.

Тишина. Поступь времени.

Потом что-то происходит.

Медленно, но ощутимо голова начинает двигаться,

я не хочу видеть этот сон

поворачивается лицом вверх, неловкими рывками поднимается и соединяется с перерезанной шеей. Глаза широко раскрываются,

я не хочу дальше смотреть этот сон

и она начинает говорить.

— Я больше не хочу видеть сны.

Доктор, крупный мужчина с густой шевелюрой и бородкой — то и другое белого цвета, — хмурится.

— Снотворное не избавит вас от снов, — сообщает он.

Авторучка зависает над рецептурным бланком, не решаясь приземлиться. Глаза врача внимательно вглядываются в Рутьфо.

— Так вы говорите, что это один и тот же кошмарный сон?.. Можете его рассказать?

— Когда рассказываешь, все теряется.

— А вы все же попробуйте.

Рутьфо отвел взгляд и заерзал на стуле:

— Это очень сложный сон. У меня не получится.

В кабинете не слышалось ни малейшего звука. Медсестра подняла на доктора беспокойно мигающие черные глаза, но тот не отрывал взгляда от Рутьфо.

— С каких пор вы видите этот повторяющийся сон?

— Примерно две недели — не каждую ночь, но очень часто, почти каждую.

— Причина этого вам известна?

— Нет.

— И никогда раньше подобные сны вам не снились?

— Никогда.

Легкий шелест бумаги.

— «Саломон Рутьфо» — странное у вас имя...

— Родители постарались, — без улыбки ответил Рутьфо.

— Да уж, могу себе представить... — улыбнулся доктор. Улыбка его оказалась открытой и доброй, как и его лицо. — «Тридцать пять лет». Вы еще очень молоды... «Холост...» Какую жизнь вы ведете, сеньор Рутьфо? Я хотел сказать, кем вы работаете?

— С конца лета я безработный. А вообще, я преподаватель, литературу преподаю.

— Как вы полагаете, то, что вы без работы, на вас сказывается?

— Нет.

— А друзья у вас есть?

— Есть немного.

— А подруги? Девушка?

— Нет.

— Вы счастливы?

— Да.

Опять пауза. Доктор отложил авторучку в сторону и провел по лицу руками — большими и тяжелыми. После этого вернулся к бумагам и задумался. Человек этот отвечает как автомат, как будто ничто его не интересует. Возможно, что-то скрывает, возможно, сны его связаны с неким событием, о котором он не желает вспоминать, но верно и то, что речь идет всего лишь о кошмарах. Сам же доктор каждый день принимает людей с проблемами куда более серьезными, чем несколько не очень приятных сновидений. Он решает дать пациенту несколько советов и отпустить его — и чем раньше, тем лучше.

— Видите ли, кошмарные сновидения не имеют серьезных клинических последствий, но в то же время они — признак некоего неблагополучия в нашем организме... или в нашей жизни. Снотворное в таких случаях — как мертвому припарки, уверяю вас, оно не поможет. Постарайтесь пореже прибегать к алкоголю, не ложитесь спать сразу после ужина, на полный желудок, и....

— Вы мне выпишете лекарство? — Рульфо остановил его мягко, однако его тон выдавал нетерпение.

— А вы не слишком-то разговорчивы, — произнес врач после небольшой паузы.

Рульфо выдержал его взгляд. Какое-то мгновение казалось, что один из них хочет что-то добавить, поделиться чем-то с собеседником. Но секунду спустя оба отвели глаза: один уставился в пол, другой перевел взгляд на лежавшие на столе бумаги. Ручка опустилась и забегала по рецептурному бланку.

Инструкция по применению рекомендовала прием одной таблетки перед сном. Рульфо проглотил две, запив их стаканом воды, налитой из-под крана в ванной. Из зеркала на него смотрел не очень высокий, но крепко сбитый парень с вьющимися черными волосами и бородкой, с приятными карими глазами. Саломон Рульфо нравился женщинам. Его привлекательности не портила даже некоторая неухоженность. По этой причине воображение пары-другой одиноких старух из обшарпанного дома, в котором жил Рульфо, огнем пылало, силясь воссоздать его темное прошлое. Откуда взялся этот молодой человек, который ни с кем не разговаривает и от которого постоянно разит алкоголем? Им было известно его имя («Саломон, Матерь Божия, вот бедняга!»), а еще то, что он устраивал вызывающие серьезное беспокойство попойки, что время от времени приводил проституток, что за свою маленькую квартирку на четвертом этаже, левая дверь, он расплатился наличными почти два года назад и что живет он один. Несмотря на все это, они предпочитали иметь в качестве соседа его, а не иммигрантов, заполонивших остальные квартиры в их многоэтажном доме на улице Ломонтано — узкой несуразной улочке вблизи Святой Марии Скорбящей, в самом центре Мадрида. Наиболее мрачно настроенные из них предсказывали тем не менее, что «бородач» рано или поздно нагонит на них страху. И добавляли, склоняясь к уху товарки: «Он похож на преступника». — «А вот я уверена, что он хороший человек», — выступала в защиту парня консьержка, ни в коей мере не оспаривая общей оценки его внешнего вида.

Рульфо вышел из ванной и остановился в столовой, решив прикончить остатки браги, доисторического подарка на день рождения от сестры Луизы. И напомнил сам себе, что

нужно не забыть купить завтра виски. Собственно, позволить себе такую покупку он не мог, но после стихов и сигарет виски входило в перечень вещей, в которых он более всего нуждался. Потом он отправился в спальню, разделся и улегся в кровать.

И этой ночью он тоже был один. Нельзя сказать, что одиночество его никогда не тяготило, но теперь, ко всему прочему, ему угрожали кошмары. Он понятия не имел, что они могли означать, к тому же механическое повторение сна вконец его доконало. Он был уверен, что это не более чем некая химера, фантазия, вынырнувшая из трясины его подсознания, но сон возвращался неотвратимо, ночь за ночью, вот уже две недели подряд. Связан ли он с чем-нибудь? «Он ни с чем не связан, доктор. Или со всем сразу. Зависит от того, как на это посмотреть».

Жизнь, которую он вел, сама по себе предполагала дурные сны, но самое серьезное, решающее произошло около двух лет назад. Абсурдным было бы считать, что именно сейчас он начинает платить по счетам той далекой трагедии. Сегодня в клинике он вдруг почувствовал искушение (неизвестно отчего) в первый раз в жизни довериться кому-нибудь и излить душу этому доктору. Но конечно же, он этого не сделал. Даже не решился рассказать ему сон. Подумал, что таким образом избежит не только ненужных вопросов, но и, кто знает, очень может быть, что и бесплатного направления в дурдом. Он знал, что не сошел с ума. Единственное, что ему было нужно, так это перестать видеть сны. Он предпочитал верить в таблетки.

Рульфо включил ночник на тумбочке, встал и решил почитать что-нибудь возвышенное, пока дремота не накроет его, подобно ласковой теплой волне. Принялся изучать книжные полки в спальне. Полки были забиты и в столовой, и в спальне. Стопки книг громоздились и возле ноутбука, и даже в кухне. Читал он везде и всегда, но только поэзию. Старушки с улицы Ломонтано никогда и не заподозрили бы, что в этом человеке живет такая страсть, но, что верно, то верно, страсть эта была родом из самой ранней юности Рульфо, а с годами только усилилась. Он изучал филологию и в свои хорошие времена (и когда они только были?) читал в университете курс по истории поэзии. Теперь же, погрузившись в одиночество, когда отец его умер, мать была обречена на вечное прозябание в доме престарелых, а три сестры оказались рассеяны по миру, поэзия продолжала служить единственным спасательным кругом. Он слепо цеплялся за нее, не обращая внимания ни на имя автора, ни даже на язык. Ему не требовалось понимать ее: он всего лишь наслаждался ритмом стихов и звучанием слов, даже если они были чужими.

«Георгики». Вергилий. Двухязычное издание. Да, книга была здесь. Он извлек ее из стопки, громоздившейся возле ноутбука, вернулся в постель, наудачу открыл томик латинских слов. Сонливости он все еще не ощущал и подозревал, что нервозность не позволит ему с легкостью соскользнуть в сон, несмотря на помощь фармации. Но он очень хотел, чтобы врач ошибся, чтобы пилюли не дали повториться абсурдному кошмару.

И продолжал читать. Шум машин за окнами стих.

Глаза его уже закрывались, когда послышался звук.

Что-то негромкое. Звук доносился из ванной. В общем, ничего странного: в этой жалкой квартирке паузы между мелкими происшествиями, когда что-нибудь — например, консоль или полка — отрывается и падает, не затягивались надолго. Он вздохнул, оставил книгу на кровати, поднялся и отправился в ванную. Дверь была открыта, внутри темнота. Он зашел и включил свет. И не обнаружил ничего, что оказалось бы не на месте. Раковина, зеркало, мыльница с куском мыла, унитаз, картинка с танцующими под звон бубенцов арлекинами,

металлическая полка — все было как всегда.

Кроме шторки на ванне.

Она была невзрачной, из самых дешевых, но яркой — с броским узором из красных цветов. Шторка все та же. Однако ему помнилось, что, когда он видел ее в последний раз, она была отодвинута. А теперь — задернута.

Это его встревожило. Он подумал, что, быть может, его подводит память. Ведь вполне возможно, что, выходя из ванной, он задернул ее, хотя и не представлял, зачем это ему могло бы понадобиться. В любом случае оставалась надежда, что шум был вызван чем-то, что упало в ванну уже после того, как он тронул шторку, например гель для душа. Он уже протянул руку, чтобы отодвинуть шторку и проверить свою версию. Но вдруг остановился.

Какой-то необъяснимый, почти несуществующий, почти виртуальный страх сковал его внутренности и низеньким частоколом поднял волоски на его коже. Он понял, что занервничал, причем безо всякого реального повода.

«Абсурд какой-то! Ведь сейчас я не во сне, я не сплю, это мой дом, и за этой шторкой нет абсолютно ничего, кроме ванны».

Он снова поднял руку, зная, что все будет как всегда, что он, может статься, и найдет там некий упавший предмет вроде геля для душа, а потом, убедившись, что все в порядке, вернется в спальню. Тут уже начнет действовать снотворное, он проспит спокойно всю ночь до рассвета и отдохнет. И Рульфо хладнокровно отодвинул шторку.

Там ничего не было.

Флакон с гелем для душа спокойно стоял на своем месте на полочке рядом с шампунем. Обе бутылки находились там вот уже несколько месяцев: Рульфо, правду сказать, не злоупотреблял тем, что имело отношение к личной гигиене. Но ничего здесь не падало — это точно.

И он решил, что шум донесся из соседней квартиры. Пожав плечами, он погасил свет в ванной и пошел обратно в спальню. На его постели лежало расчлененное женское тело: отрезанная голова расположилась между грудей, глядя на него мутными глазами, волосы, жесткие и влажные, будто перья морской чайки, извилистая, как червяк, струйка крови сбегает из уголка неподвижного рта.

— Помоги мне. Аквариум... Аквариум...

Рульфо делает шаг назад, помертвев от ужаса, и ударяется локтем о стену.

крик

Он не спал — нельзя было бодрствовать в большей степени: комната — его собственная спальня, ушибленный локоть болит. Он попробовал закрыть глаза

крик. темнота

и снова открыл их, но труп женщины остался там же («Помоги мне»), взывая к нему своим расчлененным на куски, будто в мясной лавке, телом («Аквариум»), разложенным на простынях.

Крик. Темнота.

Рульфо проснулся весь в поту. Он лежал на полу, как и бо́льшая часть постельного

белья. Упав с кровати, он ушиб локоть. Руки судорожно сжимали помятый томик Вергилия.

— Мне стало хуже.

— Что ж, на этот раз снотворного не будет, так что, если вы пожелаете уйти, задерживать не стану, — торжественно объявил доктор Эухенио Бальестерос. Но лицо его не выражало ни тени недовольства, скорее, нечто благодостное. — Однако же, если вы все-таки решитесь рассказать мне обо всем, быть может...

Бальестерос был высоким широкоплечим мужчиной с большой головой, увенчанной шапкой белоснежных волос, и с чуть более темной бородкой. Он не рассердился на Рульфо, хотя тот вновь появился в его кабинете на следующий же день, причем совершенно неожиданно, без записи и уже после окончания приема. В тот день прием Бальестероса был последним в расписании консультаций, предоставляемых врачами его специальности, и поликлиника закрывалась вскоре после окончания его работы. И он, вообще-то, уже отпустил медсестру. Но сам уходить не спешил. Он испытывал желание побеседовать с заинтриговавшим его персонажем.

Рульфо подробно рассказал свой сон: дом с белой колоннадой, двор, человек, который идет через сад и входит в дом, смерть женщин на первом этаже, возможно прислуги, жестокое убийство девушки наверху вкупе с леденящей кровью финальной сценой с участием говорящей и передвигающейся головы.

— Но вчера ночью она мне приснилась уже в моей квартире — мертвая, прямо у меня в постели. И она опять говорит все о том же — чтобы я ей помог. И все время упоминает аквариум. Я знаю, что она имеет в виду аквариум с зеленой подсветкой, который я видел в холле того дома, тот самый, что стоит на деревянной подставке... — Рульфо отгрыз заусенец на большом пальце. — Это все. Вам же хотелось узнать о моем кошмаре. Вот вы знаете. А теперь помогите мне. Мне нужно лекарство по сильнее, чтобы оно усыпило меня на всю ночь.

Бальестерос пристально посмотрел на него:

— Вы когда-нибудь были в этом доме?.. Видели ли когда-нибудь раньше этого человека? Или женщину?

Рульфо отрицательно покачал головой.

— Можете ли вы связать сон с чем-нибудь, что произошло с кем-то из ваших знакомых?

— Нет.

— Саломон, — произнес Бальестерос, помолчав. Рульфо первый раз в жизни назвали по имени, и он в замешательстве уставился на врача. — Буду с вами откровенен. Я — не психиатр и не психолог, а семейный врач. Лично для меня решение вашей проблемы будет делом простым: направление к специалисту, затем всем хорошо известное ожидание первого приема или же еще более сильное снотворное — и я умываю руки. Проблема решена. Ко мне на прием приходит слишком много пациентов, и времени на кошмары у меня нет. Но вот что я вам скажу: человеческий организм тоже времени не теряет. Каждый симптом чем-то вызван, что-то стало его причиной. Даже кошмары необходимы, для того чтобы машина продолжала работать. — Он улыбнулся и изменил тон. — Знаете, что сказал мне как-то мой коллега? Что кошмары — это кишечные газы мозга. Пердеж мозгов, проще сказать, извините за грубость. Отходы чего-то вроде несварения. Но сами по себе они не важны. Благодаря им мы выводим наружу лишнее, то, что нам не нужно... К примеру, вы говорите, что никогда не видели ни дома с белыми колоннами, ни эту женщину, и я вам верю, но ведь может

случиться, что вы ошибаетесь. Возможно, вы их когда-то где-то видели, а ваш мозг теперь их вспоминает. И этот аквариум. У вас когда-нибудь был аквариум?

— Нет, никогда. — Рульфо опустил глаза и на секунду задумался.

Бальестерос воспользовался моментом и взглянул на часы. Ему уже было пора уходить, поликлиника вот-вот закрывается. Но он решил немного задержаться. В конце концов, разве дома его кто-то ждет? Кроме того, этот пациент все еще был ему интересен. Тот факт, что он сидит в его кабинете и снизошел до разговора, он, такой всегда закрытый и немногословный, свидетельствует, по мнению доктора, о назревшей необходимости кому-то довериться. И Бальестерос подумал, что единственная помощь, которую он может оказать пациенту, — это дать ему выговориться.

— Вы мне сказали вчера, что живете один и друзей у вас не слишком много... А с девушкой какой-нибудь вы встречаетесь?

— Я, вообще-то, — внезапно произнес Рульфо, — пришел за более сильным снотворным. Не хочу заставлять вас терять время. Хорошего вам вечера.

Да, крепкий орешек, признал Бальестерос. Он смотрел, как Рульфо поднимается со стула, и вдруг ощутил что-то непонятное. Внезапно его охватила уверенность в том, что он не может, не имеет права дать ему уйти, что если этот пациент сейчас уйдет, то они оба — и пациент, и он сам — погибнут. Бальестеросу было пятьдесят четыре, и он уже знал, что бывают в жизни моменты, когда все зависит от одного лишь слова, сказанного вовремя. Он понятия не имел, что за резон скрывается за столь странным свойством этой жизни, потому что то самое спасительное слово вовсе не всегда было самым точным или самым разумным, но это было так. И он решил рискнуть. Рульфо уже протянул руку к книге, которую оставил на столике при входе в кабинет, но доктор опередил его, взяв томик, и заговорил:

— Поэтическая антология, Сернуда...^[2] Черт возьми! Вы любите поэзию?

— Очень люблю.

— И вы — поэт?

— Писал кое-что, но, вообще-то, я преподаватель, я же вчера сказал.

— Ну если вы писали стихи, то вы тоже поэт, не так ли?

Рульфо ответил уклончивым жестом, и Бальестерос продолжил:

— Уф, а я, должен признаться, просто не способен читать такие вещи. Правду сказать, встретить кого-то, чьим обычным чтением были бы стихи, — это редкость, вы так не думаете? Скажите честно, ну кто в наше время читает стихи? Впрочем, моей жене — да, нравилось. Не так чтобы совсем захватывало, но больше, чем мне...

Он говорил, листая книгу, словно обращался вовсе не к Рульфо. Но все же краешком глаза видел, что тот не двигается. Доктор не знал, слушает его Рульфо или нет, но это его ничуть не беспокоило: ему удалось приоткрыть потайную дверь, и парень имел теперь возможность заглянуть ему в душу, а уж если он отвергнет эту возможность, то дело его. И он продолжал говорить, будто бы сам с собой:

— Я вдовец. Жену мою звали Хулия Фреснеда. Она погибла четыре года назад, в автокатастрофе. За рулем был я, но не пострадал, зато мне довелось увидеть, как она умирает. Мы прожили вместе почти тридцать лет, были счастливы, трое детей, все уже взрослые, живут отдельно. Наши отношения были не всепоглощающей поэтической, если можно так выразиться, страстью, а тихой и спокойной радостью, вот как оттого, что точно знаешь, что завтра взойдет солнце. С тех пор как она умерла, у меня время от времени бывают кошмары. Но, заметьте, она мне никогда не снится. Иногда это птицы, которым

почему-то хочется выклевать мне глаза, иногда — звезды, которые превращаются в глаза монстров... А Хулия — никогда. Она, бедняжка, никогда не внушала мне страх. Но именно ее смерть стала причиной этих кошмаров. Поверьте мне, это «пуканье» нашего разума. Никакой значимости в них нет, — прибавил он, хотя внешне выглядел взволнованным.

Повисло молчание. Рульфо вновь опустился на стул. Бальестерос оторвал глаза от книги и перевел взгляд на него:

— С вами тоже что-то случилось. Я это знаю, по вам видно... Вчера, когда я увидел вас впервые, я осознал, что вы, как и я... В общем, прошу прощения, если я ошибаюсь... Я понял, что на вас тоже давит груз тяжелых воспоминаний... Я вовсе не претендую на то, чтобы вы мне о них рассказывали, я всего лишь хочу сказать, что кошмары могут возникать по этим причинам. И уверяю вас, что вовсе не важно, сколько времени прошло: трагедии всегда молоды.

Внезапно Рульфо почувствовал, что мир вокруг него куда-то поплыл: фигура Бальестероса, стол, лампа на нем, кушетка, аппарат для измерения давления,

дождь

плакат на стене с изображением тела человека. Все потемнело, контуры размывались. Он почувствовал, что у него горит лицо, а в горле першит. Понять, что с ним происходит, он не мог. И прежде чем смог осознать происходящее, оказалось, что он говорит:

— Ее звали Беатрис Даггер. Даггер, с двумя «г». Мы познакомились четыре года назад.

дождь все идет и идет

Она умерла два года назад...

Дождь не прекращался.

Тем не менее Рульфо удалось увидеть далекий блеск звезд за широким окном спальни, он различал его даже сквозь дождевые капли. Как-то раз Беатрис говорила ему что-то о сочетании дождя и звезд, но что именно — он подзабыл. К счастью это или к несчастью? Но вот что он помнил очень хорошо, так это поцелуй: как она прикоснулась губами к его лбу на прощанье — спокойный, почти материнский поцелуй, ничего общего с его страстью. И ее слова. «Раскисший ты мой», — сказала она — именно этими словами. Ему следовало беречь себя, пока она не вернется, а вернется она очень скоро. Ей только нужно съездить в Париж, полистать там несколько «толстых томов» по теме диссертации, что-то из области эмоциональных реакций на различные стимулы. Ничем не примечательная поездка, не более трех дней. Месяц назад ему уже пришлось съездить с ней в Лёвен, да и во Флоренцию. Они старались не расставаться. Но в тот ноябрьский день Рульфо болел, подхватив жуткую простуду, и Беатрис недовольно нахмурилась, когда он, несмотря на свое состояние, стал настаивать на том, что тоже поедет.

— Об этом не может быть и речи. Ты совсем раскис. И останешься дома. Я скоро вернусь и буду тебя лечить.

С тех пор как они познакомились, та ночь была, насколько он помнил — а ему казалось, что помнил он хорошо, — первой, которую они провели не вместе. И вдруг, подумав об этом, он сообразил, какое было число, и сразу же пожалел, что не заглянул в календарь раньше: он

почти поддался искушению позвонить ей в Париж, хотя было уже довольно поздно и ему совсем не хотелось разбудить ее.

В тот день исполнялось ровно два года с тех пор, как они увидели друг друга в первый раз.

Это произошло на вечеринке, которую он устроил по случаю покупки квартиры в районе Аргуэльес. Пришли почти все его друзья и многочисленные знакомые, а также сестра Эмма. Она, вообще-то, жила с одним молодым художником в Барселоне, но как раз в те дни проездом оказалась в Мадриде. Рутьфо был рад всей этой толпе, заполонившей его новую квартиру, хотя отсутствие Сусаны Бласко, его подруги, было заметно и довольно для него болезненно. Однако Сусана жила теперь с Сесаром, и Рутьфо уже несколько месяцев с ней не встречался.

Несмотря на это все, он находился в прекрасном расположении духа, готовый воспользоваться любым шансом, любой возможностью. Не имея ни малейшего понятия, о чем могла идти речь. Потом они вместе смеялись (о, этот ее хрустальный смех, который словно выплескивался изо рта), вспоминая, что виновником всего последующего оказался Купидон. В сверкающей новенькой гостиной Рутьфо было несколько статуэток, и одна из них, стоявшая на стеллаже, изображала маленького Купидона с туго натянутым луком и стрелой, направленной в никуда, в воздух, — подарок Эммы, страстной почитательницы классического искусства. По непонятной причине Рутьфо, до тех пор неизменно выступавший в роли всем довольного хозяина дома, на секунду остановился возле этой статуэтки и невольно проследил взглядом заданное стрелой направление. И обнаружил по тонкой и зыбкой прямой — пустому коридору между гостями, в самом его конце — чью-то спину. Купидон целился точнехонько в нее. Спина в бежевом пиджаке принадлежала высокой девушке с темно-каштановыми волосами, собранными в хвост, и со стаканом в руке. Она с отрешенным видом изучала его коллекцию поэтических сборников.

Первым, что привлекло его внимание, было то, что он не мог припомнить, кто она такая и знакомы ли они вообще. Заинтригованный, он двинулся к ней. И в это же время она обернулась. Они, улыбаясь, посмотрели друг на друга; он представился первым.

— Мы не знакомы, — сказала ему Беатрис тем самым голосом, который он будет слышать потом так часто и который вытеснит молчание вокруг него. — Я только что пришла. Я подруга подруги одного из твоих друзей... Мне рассказали об этой вечеринке, и мне захотелось пойти с ними. Ты не против?

Против он ничего не имел. Ей было двадцать два года, отец ее был немец, а мать — испанка, других родных у нее не было. В Мадриде она изучала психологию и как раз тогда начинала писать диссертацию. Тут же они выяснили, что у них много общего, в том числе страсть к поэзии. Два месяца спустя Беатрис оставила тесную студенческую квартирку, которую снимала вдвоем с подругой, и переехала к нему. И прочла ему свое письмо, адресованное родителям, жившим тогда в Германии, в котором сообщала им, что встретила «лучшего в мире мужчину». С того самого момента в жизни обоих воцарилось счастье.

Он вспоминал Купидона, когда зазвонил телефон. Вскочил. Температура явно поднялась. Дождь за окном прекратился, и звезды исчезли.

Телефон все звонил.

Каким-то образом он догадался, что этот звонок вот-вот перевернет его жизнь.

Дрожащей рукой он снял трубку.

— Это был сотрудник испанского посольства в Париже. Ее родители дали ему мой номер и попросили меня известить. Он сказал, что все произошло очень быстро. — Подняв глаза, Рульфо взглянул на доктора. — Она поскользнулась в ванне в гостиничном номере, ударилась головой и потеряла сознание... В ванне была вода, и она захлебнулась. Романтичная смерть, не так ли?

— Все смерти вульгарны, — ответил Бальестерос без тени иронии. — Продолжение жизни — вот что романтично. Но вы обратили внимание на детали? Ванна, аквариум...

— Да. Я только что вспомнил, что прошлой ночью мне снилось, будто я слышал какой-то шум в ванной, как раз перед тем, как передо мной появилась мертвая женщина.

— Теперь вы понимаете, что я хотел сказать, говоря об «отходах» мышления? И ванна, и аквариум — это одно и то же: нечто, наполненное водой. Сейчас середина октября, в следующем месяце будет два года со дня ее смерти, и ваш мозг уже начал отмечать эту дату — за ваш счет. Только не позволяйте ему загнать себя в угол. Вы не виновны в том, что случилось, хотя я готов допустить, что вы не поверите мне. Вот это и есть тот первый демон, которого мы должны изгнать. Мы не виноваты. — Он развел в стороны большие руки, охватывая невидимое глазу пространство. — Они уже ушли, Саломон, и это все, что нам известно. Наш долг — сказать им «прощай» и пойти дальше.

Через какое-то мгновение, наполненное тишиной, Рульфо в первый раз почувствовал на щеках скользившие капли. Он вытер слезы рукавом и поднялся:

— Хорошо. Больше я вас не побеспокою.

— Не забудьте свою книгу, — напомнил Бальестерос. — И приходите, когда возникнет желание. Никакого беспокойства.

Они пожали друг другу руки, и Рульфо вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

Не успев добраться до своей квартиры на улице Ломонтано, Рульфо обнаружил, что голова его яснее, чем когда бы то ни было. Быть может, все, что ему требовалось, — это поговорить по душам, как это вышло с Бальестеросом. Со времени смерти Беатрис его одиночество нарастало крещендо: он оставил преподавательскую работу, продал квартиру в Аргуэльесе и разорвал контакты с самыми старыми и верными друзьями. Только Сесар и Сусана звонили ему время от времени, но после всего, что между ними произошло, реанимировать эту дружбу казалось невыполнимым.

«Они ушли. Наш долг — сказать им „прощай“ и пойти дальше».

Склонность к импульсивным решениям была частью его натуры. В ту минуту он пообещал себе найти постоянную работу. До тех пор некая непреодолимая апатия мешала ему взяться за решение проблемы трудоустройства с необходимой энергией. Однако он был уверен, что если возьмется за дело, то сможет найти достойное его способностей место. Полученная по наследству после смерти отца небольшая сумма стремительно таяла, да и от денег, вырученных за проданную квартиру, уже ничего не оставалось. С другой стороны, сама мысль о том, чтобы одолжить денег у сестер, казалась отвратительной. Пора было шевелиться, но до этого самого дня он не находил в себе сил. А теперь почувствовал внутри импульс к обновлению.

«Они ушли, и это все, что нам известно».

Остаток дня Рульфо провел за компьютером, обновляя свое резюме, потом распечатал несколько экземпляров. Хотел сделать еще пару телефонных звонков, но взглянул на часы и решил отложить до завтра. Он принял душ, разогрел оставшуюся с завтрака тортилью^[3], к

которой едва притронулся утром, и с аппетитом поел. Потом улегся в постель и включил телевизор. На этот раз решил не принимать снотворное: уснет под телевизор, а если кошмар вернется, что ж, он выдержит.

Поскольку он уже хорошо понимал причины своего состояния, сны его не слишком беспокоили.

Поиграл с пультом, пока не наткнулся на фильм. Вначале картина его заинтересовала, но потом он заскучал и выключил звук. Заснул как раз в то время, когда герой фильма пробирался сквозь заросли можжевельника, пронизываемые лунным светом. Сколько было на часах, когда Руйфо проснулся, он не знал, но еще не рассвело. Фильм давно кончился, однако телевизор продолжал показывать беззвучные картинки — что-то похожее на ток-шоу: собеседники сидели за круглым столом. Он сообразил, что сон не повторился, и счел это явным признаком возвращения к нормальной жизни. Стал поворачиваться, чтобы посмотреть на часы, и в это мгновение взгляд его остановился на экране телевизора.

Картинка поменялась. На экране были уже не сидящие за круглым столом собеседники, а ночной пейзаж с несколькими фигурами в полицейской форме, сновавшими туда-сюда, и женщиной-репортером, что-то говорившей в микрофон.

А на заднем плане — дом с белой прямоугольной колоннадой.

II. Дом

В поликлинике тем вечером было полно народу. Бальестерос не принял еще и половины записанных на прием пациентов. Он прощался с одним из них и готовился пригласить следующего, когда послышался многоголосый протестный гвалт, дверь открылась и в кабинет вошел «человек с кошмарами», как назвала его медсестра Ана, одетый с обычной для него небрежностью. Под его глазами залегли темные круги. Он остановился прямо перед Бальестеросом и с полным хладнокровием выдал следующую сентенцию:

— Ветры разума порой производят чистейшее дерьмо. Прошу прощения за эту метафору, но вы употребили ее первым.

Врач оглядел посетителя с головы до ног:

— Что вы хотите сказать?

— Дом, который я видел в своих кошмарах, существует. Как и преступление.

Из-за неплотно прикрытой двери доносились голоса пациентов, на повышенных тонах грозившие жалобами и заявлениями в адрес администрации поликлиники. Ана не отрывала глаз от доктора, но он, казалось, пребывал в каком-то ином, внутреннем мире, доступ в который был открыт только молодому бородачу и ему.

— И откуда это вам известно?

— Я видел. И могу показать вам.

Бальестерос опустил на стул и глубоко вздохнул:

— Послушайте, у меня еще целый час приема. Могли бы вы вернуться через, скажем, час и десять минут и мы бы тогда спокойно поговорили?

Молодой человек секунду смотрел на него, не двигаясь. Затем, не говоря ни слова, повернулся и вышел. Спустя час и десять минут раздался стук в дверь. Бальестерос, только что отпустивший медсестру, произнес:

— Входите.

— Простите, что я прервал сегодня ваш прием, — слегка смущенно пробормотал, входя в кабинет, давешний посетитель.

— Ничего. Вид у вас нездоровый. Опять снились кошмары?

— Нет, но я почти не спал. Провел ночь перед компьютером.

— Садитесь и рассказывайте.

Рульфо положил на стол небольшую папку. Бальестерос на одно мгновение — всего на одно — задался вопросом: не могут ли дела обстоять так, что у этого типа, которому он все еще доверяет, не все дома? На своем веку практикующего врача он повидал несколько замечательных случаев такого рода.

— Дом здесь, в Мадриде, в одном из кондоминиумов на окраинах.

— Откуда вы знаете, что это тот самый дом?

— Это он.

факты

— Вы там уже побывали?

— Еще нет.

— Тогда где же вы его увидели?

таковы факты

Рульфо открыл папку и вынул несколько распечаток. И разложил их на столе перед Бальестеросом:

— Я собрал заметки. Предупреждаю вас, подробности неприятны.

— Да я привычен к неприятным подробностям. — Бальестерос надел очки для чтения.

Факты представляли собой следующее.

В ночь на двадцать девятое апреля, М. Р. Р., двадцати двух лет,

Фотографии.

проникнув в дом номер три по Каштановой аллее, принадлежавший

Фото жертвы.

Улыбка.

Дом с белыми колоннами.

Почти все репортажи были извлечены из Интернета, а качество печати было не на высоте. Но текст с лихвой возмещал то, чего не могли показать фотографии. Испытывая некоторую неловкость, Бальестерос взглянул на Рульфо поверх очков:

— Кажется, припоминаю. Ужасное преступление, но не единственное в своем роде. И при чем здесь оно?

— Именно это преступление снится мне вот уже две недели подряд.

— Вы могли узнать о нем из новостей. Здесь говорится, что оно случилось в ночь на двадцать девятое апреля этого года. Полугодом не прошло. И о нем сообщали по телевизору.

— Но я не смотрю новости по телевизору. Клянусь вам, я ничего не знал об этом до тех пор, пока не начались мои кошмары.

Бальестерос в задумчивости принялся теребить бороду. Потом указал на один из снимков:

— Это она?

— Да. Это и есть та женщина, которая мне снится. Та, что просит у меня помощи. Ее зовут Лидия Гаретти. Она итальянка, ей было тридцать два, богатая, не замужем, с некоторых пор жила в Мадриде. Я не был с ней знаком. Никогда раньше ее не видел и никогда о ней не слышал.

Рульфо пристально смотрел на Бальестероса, словно подстрекая высказать сомнение. Первые признаки озноба, легкое дуновение ужаса побежало мурашками по спине и затылку доктора. Он снова задавался вопросами: в своем ли уме этот тип? не розыгрыш ли все это? или же, чем черт не шутит, не болезненная ли мания психически неуравновешенного человека? Но что-то побуждало доктора верить этому человеку — быть может, взгляд карих глаз, в котором читался куда более сильный страх, чем тот, что мог ощутить он сам.

— А парень, который ее убил? — Бальестерос показал на другой снимок.

— Его я тоже никогда не видел. Это молодой наркоман, зовут его Мигель Робледо Руис, он уже попадал в полицию — мелкие кражи.

— Интересно, с чего это ему вдруг пришло в голову устроить такую резню? — пробормотал Бальестерос. — С ума он сошел, что ли... Да, а что там с этим вашим аквариумом с зеленой подсветкой?

Рульфо отрицательно покачал головой:

— О нем не упоминается.

— Как же вам удалось раздобыть столько информации?

— Я случайно увидел на экране телика этот дом. Это было ночью, по чистой случайности. Шло какое-то ток-шоу, говорили о зле и, чтобы не быть голословными, показывали сюжеты из новостей о недавних преступлениях. Я позвонил в редакцию канала, который делал передачу, и мне назвали кое-какие имена. Потом я стал искать в Сети. Это убийство произвело впечатление, наделало довольно много шума, да и случилось не так уж давно, так что доступной информации оказалось много.

— В любом случае преступление было раскрыто, и виновный в данный момент так же мертв, как и его жертвы. Вот здесь пишут об этом. — И Бальестерос ткнул толстым указательным пальцем в бумаги. — Робледо вскрыл себе вены, после того как сжег расчлененное тело этой бедной итальянки в саду... Полиция нашла его труп в доме, рядом с телами служанок и обугленными останками их хозяйки... Сообщников у него не было. Тут уж ничего не поделаешь, дело закрыто... Но за что, почему? — Он вдруг замолчал, осознав, что чуть было не сел в лужу, чуть не задал какой-нибудь странный вопрос вроде: «И почему эта женщина просит *помощи* именно у вас?» — Нет-нет, я уверен, что все это имеет свое объяснение, и очень простое... — Он снял очки и потер глаза.

Через окно напоздали сумерки. В следующий миг дверь кабинета распахнулась и охранник объявил, что поликлиника закрывается. Доктор кивнул. А когда они вновь остались вдвоем, спросил:

— Почему вы пришли с этим рассказом ко мне?

Рульфо пожал плечами:

— Не знаю. Возможно, по принципу *do ut des*^[4]: ты сделал то, я делаю это... Можно назвать это взаимностью. Вы помогли мне вчера — сказали, что причина моих кошмаров — тяжелые воспоминания. А я захотел помочь вам сегодня, показав, что тяжелые воспоминания объясняют далеко не всё. И точка. Я знаю, что вы мне не верите, но мне это до лампочки.

Бальестерос взглянул на него. А потом стукнул по столу колпачком авторучки, словно в знак того, что принял решение.

— Отсюда я должен уходить. Но этот вечер у меня свободен. Как вы думаете, не стоит ли нам взглянуть на этот дом вблизи? Здесь есть адрес...

Доктор почти развеселился, заметив, что удивленным из них двоих впервые оказался не он.

— Я и сам думал поехать, но...

— Ну так поедem вместе, на моей машине. — Выражение лица Рульфо заставило его улыбнуться. И он добавил: — Можете считать это взаимностью.

Всю дорогу они молчали. Рульфо раскрывал рот только затем, чтобы спросить разрешения закурить и время от времени, взглянув на план города, подсказать сидящему за рулем доктору, куда сворачивать в этом лабиринте безлюдных аллей. Бальестерос сделал вывод, что им не о чем говорить, кроме как на ту странную тему, что свела их вместе. С

другой стороны, отсутствие диалога дало возможность предаваться размышлениям. В отличие от Рульфо, себя он считал человеком осторожным. Его удивляли как стремительность, с которой он поверил этому незнакомцу, так и несвойственное ему, но им самим принятое внезапное решение посетить дом. По первому пункту он тем не менее мог положиться на свой профессиональный опыт, который говорил за то, что Рульфо не сумасшедший и что он не лжет. Он сам мог быть обманут, но никого обманывать не пытался. Немногословность Рульфо была вполне понятной: этот человек выглядел таким же сбитым с толку, таким же с головой погруженным в необъяснимое, как и он сам. А что касается его собственной идеи поехать взглянуть на дом... Что ж, кажется, и в свои годы он еще может удивлять себя.

Это был один из загородных кондоминиумов. Названия его улиц вызывали в памяти волшебные сказки: аллея Араукарий, улица Вязов... Но окружающее, несмотря на зелень и тишину, тотчас же развеивало наваждение: высоченные стены, решетки, охранники, охранные системы и камеры наружного наблюдения окружали весь квартал, защищая от глаз любопытных жилые дома. Но скрыты они были не одинаково: относительно небольшие дома лишь слегка прикрыты, а самые солидные загорожены до состояния полной неразличимости, как будто степень приватности была значительно большей роскошью, чем система «умный дом» в максимальной комплектации.

Каштановая аллея оказалась узкой улочкой, и вправду обсаженной каштанами и устланной опавшими листьями. Сумеречный вечерний свет уже угасал, когда Бальестерос припарковал свой «вольво» напротив дома номер три. Участок был последним на улице и сам собой образовывал что-то вроде небольшой площади. Немалой высоты ограда и массивная железная дверь призваны были лишить зевак надежды удовлетворить свое любопытство. Порывы ветра осторожно шевелили палую листву, словно перебирали гитарные струны. Где-то залаяла большая собака, может быть дог.

— Приехали, — произнес Бальестерос, выражая очевидное. Он вышел из машины и вместе с Рульфо подошел к железной двери ограды. — И как туда смог пробраться этот Робледо?

— Все версии событий здесь совпадают: он перелез через эту дверь, проник на территорию, а потом разбил окно. В доме Лидии Гаретти не было охранный системы.

— Женщина со средствами, но не слишком осмотрительная.

Бальестерос удостоверился в том, что дверь крепко заперта, и огляделся: никого не было видно. Он нажал на кнопку домофона, и они принялись ждать ответа, которого не последовало. «Это и к лучшему», — подумал он, поскольку понятия не имел, что мог бы сказать, если бы им кто-то ответил. Посреди каменной таблички, расположенной рядом с дверью и затейливо украшенной синей мозаикой, фигурировала цифра три, а чуть ниже расположилось несколько слов, выведенных черным по белому. Рульфо указал на них:

— LASCIA TE OGNE SPERANZA. Это значит: «Оставь надежду...» Один из стихов, помещенных Данте над входом в Ад. Полностью этот фрагмент звучит так: «Lasciate ogne speranza voi ch'intrate» — «Оставь надежду всяк сюда входящий».

— Да, не скажешь, что это самая подходящая фраза для входа в такой красивый дом.

— Для Лидии Гаретти она оказалась пророческой.

— Точно. — Бальестерос потер руки. — В общем, больше здесь никто не живет, я в этом уверен. У этой женщины не было семьи. По-видимому, когда прояснится ситуация с наследством, эта собственность перейдет в другие руки и трагедия в конце концов забудется... Вы куда?

— Подождите секундочку.

Удостоверившись в том, что улица по-прежнему безлюдна, Рульфо ловко забрался на один из металлических контейнеров, стоявших на тротуаре. Стоя на его крышке, он смог заглянуть за стену. Кое-что скрывали деревья, но сквозь их почти оголенные ветви ему удалось разглядеть сад, сероватое пятно чаши фонтана и в глубине — яркую белизну колоннады. В его снах все было бóльших размеров, но это оказалось единственным различием. Сомнений не было: это тот самый дом. Теперь он это знал (сначала по фото), но когда увидел своими глазами и в реальности — по коже побежали мурашки.

Доктор наблюдал за ним с нескрываемой тревогой. Широкое лицо его покраснело.

— Слушайте, слезайте оттуда!.. Если нас кто-нибудь увидит, он может... Слезайте, черт подери!

— Это он, дом из моего сна, — сказал Рульфо, спрыгивая на тротуар.

— Прекрасно. Вы в этом убедились. И что теперь?

— Теперь?

— Ну да, что вы думаете делать теперь?

Бальестерос нервничал, но не знал почему. Больше всего его смущал тот факт, что он сам принял решение приехать сюда с Рульфо. «Должно быть, я схожу с ума», — подумал он.

— Поведайте мне, — настаивал он, — что вы намерены теперь делать? Перелезете через эту стену и нарушите границы частной собственности?.. С вашей-то импульсивностью — а на мой взгляд, вы импульсивны — меня это несколько не удивит... Неужели вы вознамерились отыскать аквариум с зеленой подсветкой? Послушайте, я взял на себя труд привезти вас сюда, потому что полагал, что, если нам удастся побеседовать с кем-нибудь из обитателей дома, это сможет выветрить из вашей головы эти фантазии... К тому же я вовсе не хочу сказать, что вы меня водили за нос, поймите. Я уверен, вы вели честную игру. У меня нет проблем с тем, чтобы признать, что вам все это сначала приснилось, а позже вы увидели сообщение о преступлении и теперь так же ошарашены, как мог бы быть на вашем месте я. Согласен, ваш случай — находка для эзотерических журналов. Ну и что? Это ничего не доказывает. Подсознание — это океан. Вы могли когда-то увидеть сообщение об этом преступлении, хотя и не помните этого. Потом вы связали его со своей личной трагедией. И нет никаких чудес. Это все! — Вдруг он схватил Рульфо за руку. — Пошли отсюда, поехали обратно. Мы знаем теперь, что дом и правда существует, очень хорошо, вы победили. А теперь пора оставить эту игру, а? Того и гляди стемнеет.

Рульфо, видимо, все это слегка раздражало. Но, к удивлению Бальестероса, не оказав ни малейшего сопротивления, он подчинился. Даже согласился вернуться к машине и молча сел в нее. Позади остался лай собаки, силуэт которой постепенно таял по мере их удаления, пока не превратился в некий призрак пса. Доктор вел машину с остервенением: стучал кулаком по рулю, терял терпение. Смотрел на дорогу и на другие машины так, будто бы это его не интересовало, будто мысли его витали далеко. Рульфо же был спокоен и молчалив. Вдруг Бальестерос заговорил. На его лице, часто ничего не выражавшем, сейчас рисовалась угрюмая решимость, вовсе не вязавшаяся со словами, произнесенными ровным, спокойным голосом.

— Мне пришлось видеть, как умирала Хулия в той аварии, я вам уже об этом говорил. За рулем был я, но моей вины не было. Какая-то машина впилилась нам в бок, и нас отбросило на грузовик. Сам я не пострадал, но вот крышу со стороны моей жены вмяло. Я явственно помню выражение ее лица... Она была еще жива — дышала и смотрела прямо на меня, не

мигая, а вокруг — искореженное железо. И ни слова не говорила, только смотрела. Выше бровей ее уже, по сути, не было, но взгляд ее был все тот же — нежный, как всегда, и губы почти улыбались. Вначале я хотел оказать ей медицинскую помощь, и могу вас заверить, что я попытался. Теперь-то я понимаю, что это было глупо, потому что она не могла выжить. На самом деле она уже почти была мертва... Но в тот момент я не думал об этом и пытался ей помочь. К счастью, я довольно быстро понял, что единственное, что я мог для нее сделать, не имело ничего общего с моей профессией. Я просто ее обнял. И оставался там, в машине, обнимая ее и что-то нашептывая на ухо, пока она умирала на моем плече, как пташка... Странно, не так ли?

Автомобиль летел по темным улицам. Двое мужчин напряженно смотрели прямо перед собой, словно оба вели машину, но говорил только Бальестерос:

— В жизни случаются странные вещи, Саломон. Почему какой-то пацан двадцати двух лет забрался ночью в дом, прирезал двух служанок, растерзал бедную итальянку, с которой он даже не был знаком, а потом покончил с собой?.. И почему вам все это приснилось, хотя вы раньше никого из них и в глаза не видели? Странные вещи. Не менее странные, чем смерть моей жены... Или чем поэзия, которую вы читаете... Когда с таким сталкиваешься, перед тобой альтернатива. Я, наверное, выбрал наиболее легкий путь: стараюсь жить счастливо до тех пор, пока Господь не призовет меня, и закрываю глаза на странности, не пускаю их в себя, оставляю снаружи. Или, точнее, я сам остаюсь снаружи. Потому что эти странности существуют и приглашают нас внутрь, но я решил

lasciate

не входить. И вам советую поступить так же. Я врач и знаю, что говорю. Мы не должны

lasciate ogne

входить.

В это самое мгновение, сам не зная как, Рутьфо принял решение. Он попросил Бальестероса высадить его возле поликлиники, где он оставил свою машину. Выйдя из «вольво», он обернулся и встретился взглядом с доктором. Этот взгляд оказался гораздо более продолжительным, чем оба они ожидали. И тогда Рутьфо ощутил желание что-то сказать. Он подумал, что это будет абсурдная, почти смешная фраза, но он позволил ей слететь с его губ тихо, словно вздох:

— А я поэт,

lasciate ogne speranza

и я хочу войти.

Бальестерос открыл было рот, собираясь что-то ответить, но вдруг остановился, словно передумал.

— Берегите себя, — прошептал он.

Рутьфо смотрел, как медленно удаляется его машина. Он нашел свой старый белый «форд» там, где несколько часов назад его оставил, уселся и тронулся с места. Когда он добрался до кондоминиума, уже стояла ночь. Его окружили деревья и сумерки, высокая

влажная трава, темные заросли боярышника и тени, плющом карабкающиеся по оградам. Машину он оставил на углу Каштановой аллеи и, сунув руки в карманы, отправился пешком в конец улицы.

Lasciate ogne speranza.

Эти слова, помещенные на керамической табличке, были для него исполнены сарказма, ведь решение уже принято: он войдет туда, чего бы это ни стоило. Что будет делать потом, он придумает позже, но его не покидала уверенность, что, если ему не удастся в реальной жизни войти в этот дом хотя бы раз, он будет осужден делать это бесконечно в своих кошмарных снах, и это неизбежно. Бальестерос был прав: ужасная смерть Лидии Гаретти не имела никакого отношения ни к нему, ни к его жизни. Она была всего лишь незнакомкой, а ее трагедия — еще одним преступлением, еще одним зверством из тех, что ослепляют публике глаза мелькнувшим кометой ужасом, а потом гаснут в забвении. Тем не менее в определенном смысле эти сны были его неоплаченным долгом; и он знал, что расплатится по этому счету только в том случае, если войдет в дом и найдет аквариум с зеленой подсветкой.

Он остановился, чтобы обдумать свои действия. Решил, что самым разумным будет перелезть через дверь, воспользовавшись мусорным баком. Пока Рульфо прикидывал, как бы ему так передвинуть бак, чтобы не разбудить соседей, внезапно поднялся ветер и брызнул дождь. Полы пиджака Рульфо взлетели вверх, дождь оросил лицо ледяными поцелуями, а железная дверь на несколько сантиметров отошла от замка, не издав ни малейшего звука.

Она не была заперта.

III. Вход

Девушка проснулась внезапно, вскочила, как пружина, и обхватила тело руками. И вдруг поняла, что не знает, где она. Огляделась вокруг, увидела первые лучи солнца на гардинах и знакомые очертания комнаты, почти такой же голой, как и она сама: кровать с резным деревянным изголовьем, сбитые простыни, темные стены, пурпурные шторы, шкаф, зеркала. То, что ее окружало, было не чем иным, как ее спальней, и все в ней пребывало на своих местах.

Она уткнулась подбородком в колени и несколько секунд размеренно вдыхала и выдыхала воздух. Сохранять спокойствие — это одна из ее обязанностей. Затем она закрыла глаза, стараясь припомнить все самое важное: какой сегодня день, что ее ждет, что она должна делать. Временами воспоминания давались ей с трудом. Наконец она сделала вывод, что сегодня четверг, на календаре середина октября, на утро у нее назначена встреча с клиентом в одном из мадридских отелей, и ей нужно поторапливаться, если она хочет быть к этой встрече готовой.

Когда она поднялась, огромные зеркала на стене и потолке отразили тело, которое претендовало на большее, чем быть названным просто красивым. Его обладательница слышала уже в свой адрес много эпитетов и замечала множество устремленных на нее взоров, но ни то ни другое не доставляло ей никакого удовольствия, поскольку ни разу не адресовалось той личности, которая чувствовала и думала внутри, а всегда — лишь формам ее тела. Она жила, словно заключенная в тюрьме умопомрачительного тела. Тем не менее в сумрачном одиночестве своего разума девушка считала себя некрасивой и жалкой.

Она неторопливо направилась в ванную, ступая босыми ногами по холодным грязным плиткам, и в такт шагов кончики ее черных волос касалась беломраморных ягодич. Пока она в ожидании горячей воды в душе подбирала волосы, мысли ее вновь вернулись к кошмарам.

Она не была склонна задаваться различными вопросами. У нее выработалась привычка подавлять свое любопытство, даже уничтожать его, и ничто из происходящего вокруг особенно ее не интересовало. Но этим сном удалось заставить ее усомниться. Вначале она подумала, что это всего лишь обычные, леденящие кровь фантазии, и не придала им особого значения, поскольку у нее было более чем достаточно резонов для подобных снов. Однако, когда детали стали повторяться практически каждую ночь в неизменном виде, она уже не знала, что и подумать. Имеют ли они какое-то значение? А если нет, то почему ей снится одно и то же?

Вода никак не нагревалась, что не удивляло. Газ и электричество едва-едва теплились в ее малюсенькой квартирке. Недолго думая, она встала под ледяную воду. И даже не поморщилась — взяла с полочки обмылок и принялась тщательно намыливаться. «Не примешь крещение — попадешь не в рай, а в чистилище», — сказал ей как-то некий господин, направив на нее ледяную струю из шланга на одном из праздников, на которых ей случалось работать. Вспомнив о том эпизоде, усилием воли она подавила дрожь: в жизни ее было немало мгновений куда более худших, чем самый жуткий ее кошмар.

Утреннее свидание было ничем не примечательно. Это означало, что она не ожидала никаких осложнений, всего лишь еще один сеанс с одним или несколькими мужчинами или же с женщиной (имя, которое назвал ей Патрисио, было мужским, но она уже привыкла к разного рода сюрпризам). Речь шла об одном из отелей на бульваре Кастельяна. Она пришла,

как всегда, вовремя, направилась к стойке регистрации, назвала имя, и после небольшой паузы ей сказали, чтобы она, «если вы будете так любезны», подождала вон в той гостиной — рука поднялась в указующем жесте. Она поблагодарила и отправилась туда, не обращая ни малейшего внимания на провожавшие ее взгляды. Отель был большим и роскошным, но она вела себя в подобного рода заведениях совершенно естественно. Интерьер гостиной состоял из пары бильярдных столов полированного красного дерева, постера с изображением оссобуко^[5] и мраморного пола в середине комнаты, обставленной мягкими диванами. Она не присела, осталась стоять. Вокруг керамического кувшина с ветками жасмина лежало несколько старых журналов.

Это случилось как раз тогда

они взглянули друг на друга

когда она увидела фото на обложке одного журнала.

они взглянули друг на друга, рассеянно

Тревога, которую вселило в нее это случайное открытие, заставила ее допустить пару промашек с клиентом (он оказался, в конце концов, мужчиной). К счастью, этот тип был пьян и не обратил внимания.

Они рассеянно взглянули друг на друга.

Автобус высадил ее у входа на территорию кондоминиума, девушка бесшумно прошла по тротуару и остановилась за его спиной в тот самый момент, когда открывалась железная дверь. Он ощутил ее присутствие и обернулся. Они молча смотрели друг на друга, словно каждый ждал, что заговорит другой.

— Ты здесь... живешь? — осторожно спросил мужчина.

Она отрицательно покачала головой.

Плотные тяжелые тучи придавали объем небу, нависшему над головами. Дождь все еще сеялся. Из приоткрытых губ девушки вырвался парок. Казалось, она, не решаясь что-либо предпринять, ждет нового вопроса.

Вдруг лица превратились в знаки, почти в слова, а дрожащие губы раскрылись. Оба, сами не ведая как, одновременно поняли, что происходит.

Изумление захлестнуло, почти сбило с ног, и Руйфо счел за лучшее совладать с ним, спокойно побеседовав в салоне машины. Спустя полчаса оба уже хорошо знали как имена друг друга, так и детали своих кошмарных снов. Девушка назвалась Ракелью, но это имя могло быть и псевдонимом, поскольку говорила она с сильным акцентом — то ли центральноевропейским, то ли, с еще большей вероятностью, одной из стран Восточной Европы. На взгляд Руйфо, ей было лет двадцать. Ее волосы струились по спине подобно волнистому, цвета воронова крыла водопаду, а кожа была ослепительной, почти мраморной белизны. Густые брови, огромные глаза — черные-пречерные, чуть раскосые — и губы, подобные таинственному живому существу с красноватой плотью, делали ее лицо чарующим, но в то же время и странным, каким-то далеким. Она сидела на переднем пассажирском сиденье — прямая, не глядя на него. Кожаная курточка, обтягивающая бедра мини-юбка и кожаные сапоги, дополненные черными чулками, составляли все ее одеяние;

под одеждой изгибами змеи проступали соблазнительные формы этого удивительного тела. Это была самая красивая женщина из тех, что когда-либо занимали переднее пассажирское сиденье в его машине. Самая красивая из тех, кого он когда-либо знал. Даже Беатрис не поразила с такой силой его воображение при первой встрече.

Было действительно трудно отвести от нее глаза, но на несколько секунд это удалось, и он перевел взгляд на темневшую за лобовым стеклом ночь. И стал размышлять о том, что их соединило (конечно, если она сказала ему правду... но с какой стати ей врать?) и привело к этой встрече, этому катарсису взаимного узнавания. Он вновь взглянул на нее и сказал:

— Ты знала Лидию Гаретти? Была как-то связана с тем, что здесь произошло?

— Нет.

— А почему ты решила прийти сюда этой ночью?

— Не знаю...

По-видимому, Ракель обладала навыком послушания, но не навыком вербального выражения идей. Она порывалась ответить немедленно, но сразу сбивалась и умолкала, раздумывая над продолжением реплики. Как будто ее слова, произнесенные серьезным, богатым оттенками голосом, являлись порождением ее гортани, а не мыслей.

— Я увидела фотографию дома и прочла репортаж сегодня утром и... Ну и пришла.

Два глаза цвета угля скользнули по его лицу, но почти тут же убежали в сторону. Рульфо покачал головой:

— Невероятно... Мы не знаем друг друга, нам обоим неделями снится одно и то же, мы оба получили информацию о том, что дом существует в реальности, и пришли сюда в одну и ту же ночь, в одно время... Черт возьми! — Он негромко рассмеялся.

Она молча кивнула. Внезапно смех Рульфо оборвался. Он вновь повернулся к этой невообразимо красивой девушке.

— Мне страшно.

— Мне тоже, — отозвалась Ракель.

— Слушай меня. — Приказ этот явно был лишним: хотя она на него и не смотрела, но слушать-то она слушала. Как ни парадоксально, именно в это мгновение она взглянула на него в первый раз. — Клянусь, я не верю в привидения, НЛО, сны, становящиеся явью, и тому подобную фигню, понимаешь?

Девушка утвердительно кивнула головой и одновременно пропела:

— Да.

— И я не думаю, что сошел с ума... Но я знаю, что есть что-то, что привело меня сюда, что привело сюда нас обоих, и оно хочет, чтобы мы вошли. — Он подождал ответной реакции, но ее не было. — Ты можешь поступать, как тебе захочется, но я пойду туда. Я хочу знать, что там такое.

Он открыл дверь машины.

Его удивил прозвучавший ответ:

— Я хочу уйти отсюда, но пойду с тобой.

— А почему ты хочешь уйти?

На этот раз ему пришлось ждать ответа дольше. Девушка смотрела прямо в лобовое стекло.

— Я предпочла бы продолжать видеть сны.

Дом был открыт.

Рульфо никак не мог объяснить себе каким образом, поскольку часом раньше они вместе с Бальестеросом имели возможность убедиться в обратном, но факт оставался фактом. Они с девушкой прошли через сад под сеющим с неба дождиком, потом мимо каменного фонтана, поднялись по ступеням окаймлявшей дворик колоннады и тихонько толкнули парадную дверь, расширив тем самым щель между половинками двойной двери.

— Здесь есть кто-нибудь? — окликнул Рульфо.

Никто не ответил. Внезапно в нос ударил запах дерева, кожи и растений.

— Есть тут кто-нибудь?

Темнота и молчание были на грани абсолюта. Рульфо пошарил по стене и нащупал несколько выключателей. Зажегся свет, его источником оказались бра, и этот отражавшийся от стен свет создавал еще более тревожную атмосферу, чем потемки.

Девушка вошла в дом, Рульфо последовал за ней. Закрыв за собой дверь, он ощутил нечто странное: как будто бы за его спиной развели мост. Как будто их лишили последней возможности принадлежать к внешнему миру.

И вот они уже *внутри*, что бы это ни означало.

Скульптура, амфоры, вазоны высотой с ребенка, застывшие в камне звери, ковры, изящная мебель... Как к этому относиться? Назвать это «роскошью» было бы неправильно. Слово «антиквариат» несколько лучше встраивалось в этот мир ценностей, пыли и тишины, однако Рульфо подозревал, что антиквары держат такие вещи не дома, а в своих магазинах. Все вещи были в полном порядке, как будто их владелица все еще здесь жила.

— Вот она, — произнесла Рабель.

Сеньорита Гаретти, стройная, элегантная, с короткими черными волосами, подстриженными по моде двадцатых годов, стоя во весь рост, смотрела на них с большого, в натуральную величину модели, полотна, висевшего на задней стене. На ней был узкий, облегающий черный парадный костюм с атласной отделкой, причем жакет без рукавов с отворотами цвета фуксии выставлял на всеобщее обозрение ее белоснежные плечи и обнаженные руки. «Добро пожаловать», — читалось на ее лице. Тем не менее алые губы не улыбались.

«Аристократка Лидия и ее дом-музей», — подумал Рульфо. Кто она? Кем она была в реальной жизни? Что она делала здесь одна, живя в этом огромном мавзолее? «Мы даже не были с ней знакомы, она мертва, но привел нас сюда не кто иной, как она». Он подошел к портрету и сосредоточил внимание на одной детали — золотом медальоне на точеной женской шее. Он имел форму маленького паучка.

— Лестница, — сказала Рабель.

Лестница располагалась слева, как и в их снах, ее ступени вели наверх, в темноту. И оба знали куда. Они переглянулись.

— Будет, наверное, лучше, если мы сначала пройдем по нижнему этажу, — предложил Рульфо.

Двустворчатая дверь вела в глубину дома. Скоро Рульфо осознал, что они идут тем же путем, что и убийца в их снах: коридор, гостиная и, наконец, спальни служанок. На косяках дверей все еще виднелись прилепленные полицией наклейки. Они вошли в первую спальню. Комната оказалась совершенно пустой, без мебели. От постели остался лишь скелет пружинного матраса. На покрывающем пол ковре видны пятна. Не все смогли отчистить, не все исчезло.

Они покинули спальни и пошли сквозь анфиладу гостиных. Отворив последнюю дверь,

Рульфо остановился.

— Библиотека, — прошептал он.

Книжные полки — семь стеллажей по семь полок в каждом — от пола до потолка покрывали стены. Рульфо позабыл о кошмарах, о гибельном ощущении, источник которого — как раз то, что он обследует дом, куда раньше не ступала его нога, но который в каком-то смысле уже ему знаком; он озирался, зачарованный этим необъятным арсеналом книг. Попытался открыть одну из стеклянных дверок, но безуспешно. Принялся рассматривать корешки томов и отметил, что часть из них — с золотыми надписями. Рядком стояли книги одного автора, с номерами томов. Уильям Блейк...^[6] Роберт Браунинг...^[7] Роберт Бёрнс...^[8] лорд Байрон... Что-то в них привлекло его внимание. Он подошел к другому стеллажу. Джон Мильтон^[9]. Пабло Неруда^[10]. Наудачу перевел взгляд еще на одну полку. Федерико Гарсия Лорка^[11]. Пересек комнату и подошел к противоположной стене. Публий Вергилий.

Имена знаменитых писателей. Он читал их всех. Но что в них общего? Да они поэты! На какой-то миг он столбом застыл посреди комнаты, ошеломленный. Ему пришло в голову нечто удивительное: это и была та единственная нить, которая связывала его с Лидией Гаретти.

— Пойдем к лестнице, — сказал он.

Вернувшись в вестибюль, они стали подниматься по покрытым ковровой дорожкой ступеням. Но вдруг посредине пролета девушка остановилась.

— Что такое? — задал вопрос Рульфо.

— Не знаю.

Секунду они постояли, прислушиваясь к тишине. Затем продолжили подниматься и оказались в коридоре, где пол был застелен ковровой дорожкой. По обеим сторонам — мраморные бюсты. Имена на пьедесталах почти стерлись, но Рульфо подумал, что мог бы узнать всех с закрытыми глазами: Гомер, Вергилий, Данте, Петрарка, Шекспир...

Поэты.

Было очевидно, что сеньорита Гаретти обожала поэзию. Но в тот момент единственное, что имело значение для Рульфо, находилось в нескольких метрах впереди, в конце коридора.

Они дошли до маленького холла, и слегка дрожавшей рукой Рульфо включил свет. Стала видна двустворчатая дверь, ведущая в главную спальню, стены из искусственного мрамора, деревянная подставка...

На нем не было никакого аквариума.

— Он стоял здесь, с подсветкой.

— Да, я тоже его помню, — подтвердила Ракель.

Рульфо подошел и стал внимательно рассматривать поверхность подставки. На ней виднелись следы пребывания какого-то прямоугольного предмета. Кто мог его унести? Полиция? Для чего?

Что-то еще вызывало в нем сильнейшее беспокойство. Он огляделся в поисках источника этого ощущения, но не увидел ничего необычного. На изящных предметах гарнитура черешневого дерева, размещенных вдоль стен, были расставлены снимки Лидии Гаретти в рамочках. На стенах висели картины. Обведя их взглядом, он остановился. По крайней мере дюжина полотен различных размеров, каждое — женский портрет, однако, в отличие от фото, ни один из них не был похож на портрет Лидии. Рульфо стал рассматривать их более внимательно. Костюмы и живописная техника довольно серьезно различались: здесь были дамы в кринолинах, париках, корсетах — перья в прическах, фижмы, фалды.

Встречались работы в стиле Тициана^[12], Ватто^[13], Мане...^[14] И вот тут на шее одной из дам он заметил знакомый предмет.

— У этой дамы такой же медальон, как у Лидии, видишь? Похожий на паука.

— И на той, — указала Ракель.

Заинтригованные, они обследовали остальные портреты. Каждый раз, когда поза персонажа это позволяла, такой же медальон — а если не совсем идентичный, то лишь с незначительными различиями, объясняемыми тем, что их изображали разные живописцы, — предстал перед их глазами. Золотой паук.

— У нас еще спальня, — вспомнил Рульфо.

Взялся за ручку двустворчатой двери. Открыл ее. Роскошная, покинутая, погруженная в тишину комната, казалось, приглашала их войти. Но место это изменилось. Причем кардинально. Свет шел от голых лампочек, кое-как подвешенных к продырявленному тут и там потолку. Почти вся мебель исчезла, как и гардины. На кровати не было покрывала, отсутствовал и балдахин с драпировкой. Повсюду были видны следы скрупулезной работы стражей закона: еле заметные следы мела, обрывки липкой ленты, бесчисленные отпечатки подошв...

И чем-то пахло, хотя Рульфо не мог бы определить, хорошо или плохо; но запах был другим, не таким, как в остальных помещениях.

Ракель обхватила себя руками. Он почувствовал ее тревогу.

— Здесь он пытал ее... час за часом...

Ни в одном из репортажей не было подробностей о том, что именно сотворил Робледо с Лидией, но предметы, обнаруженные полицейскими и перечисленные некоторыми новостными каналами, позволяли восстановить детали жесточайшего действия: коловорот, вкрученные в потолок крюки, щипцы, гвозди, веревки, цепи, несколько ножей... Каждый раз, когда Рульфо задумывался об этом, он все меньше и меньше понимал: как это может быть, что какой-то парень со скудным криминальным прошлым, которого если что-то и интересовало, так это наркотики, решился подвергнуть другого человека этой дикой пытке, сродни инквизиторской?

Ракель выглядела взволнованной, то и дело оглядывалась по сторонам, и кожаная куртка вздымалась на груди.

— Ему были нужны не только ее страдания, — объявила она в полной уверенности, что ей досконально известно значение этого слова. — Он был в ярости.

— Для нас самое главное, что сейчас он мертв, — успокаивающе прошептал Рульфо. — И еще то, что я нигде не вижу этого чертова аквариума, если он вообще существует.

Он обошел огромную кровать и кое-что за ней увидел. Еще одну дверь. Но ее легко можно было и не заметить, поскольку она ничем не отличалась от деревянных панелей, которыми были обшиты стены; только круглая золоченая ручка выдавала ее наличие. Рульфо повернул ручку, и дверь беззвучно распахнулась в темноту. Не оглядываясь, он шагнул вперед как раз в тот момент, когда Ракель выходила из спальни, думая, что он не замедлит последовать за ней.

Она была все так же взвинчена, настороже. Не было ничего определенного, ничего, что могло бы быть воспринято как конкретная угроза или хотя бы как явный ее признак. Это было всего лишь ощущение. Какое-то предчувствие, которое предупреждало, криком кричало ей: «Ты в опасности!»

«Уходи отсюда».

Она понимала, что таким образом подействовал на нее вовсе не вид комнаты, в которой под пытками умерла Лидия: ведь она начала чувствовать нечто подобное раньше, еще когда поднималась по лестнице. На самом деле она ощутила это в тот самый момент, когда входила в дом. Это было не что-то мертвое, а что-то *живое* — чье-то присутствие, но не в прошлом, а в этот самый момент и в этом месте, оно здесь и сейчас, и оно по-прежнему где-то таится.

«Уходи отсюда сейчас же».

Но страх оказывал на нее странное воздействие: он заставлял ее двигаться вперед. Она прошла в самый конец холла, который вел в спальню. За выступом смогла различить узкий коридор. И двинулась по нему.

слабый свет

Помещение было тихим и темным. Ни света, ни звука — как в могиле. Рульфо пошарил по стене в поисках выключателя, но безуспешно. Тогда он сунул руку в карман, нащупал зажигалку, и маленькое пламя взвилось вверх.

В комнате не было ни окон, ни других дверей, она была вся задрапирована: стены были занавешены портьерами, а (довольно низкий) потолок и пол покрывали пушистые ковры. Все синего цвета, мебели никакой, да и других вещей тоже. Камера кошачьей природы. Мягкость юной плоти. Ощущение ее под ногами рождало желание разуться. Рульфо подумал, что только обнаженное тело могло пребывать в этом пространстве. «Для чего оно тебе было нужно, Лидия? Что ты здесь делала? Почему здесь нет света?»

слабый свет, полоска

В конце коридора она обнаружила лестницу, ведущую наверх. Обернулась взглянуть, идет ли за ней Рульфо, и убедилась, что она одна. Но звать его не захотела. Ни один мужчина не внушал ей доверия. Не то чтобы она их ненавидела, но и ни одного до сих пор не любила, хотя и разыгрывала любовь; единственное, что ей удавалось, — это мириться с их существованием.

Она пошла наверх. Ступени заскрипели под ее сапожками. Она уже могла видеть площадку. Закрытая дверь, конечно же, ведет на чердак. И что-то еще.

слабый свет, полоска, пробивающаяся

Рульфо вышел из этой странной каморки и из спальни Лидии и только тут понял, что Ракель исчезла. Он уже собрался было ее окликнуть и вдруг неожиданно замер возле одного снимка в рамочке, из тех, что стояли в холле.

Слабый свет, полоска, пробивающаяся из-под двери.

«Я должна его позвать. Теперь да, теперь мне нужно ему сказать».

И вдруг, с еле слышным щелчком, дверь распахнулась.

Это был небольшого размера дагеротип, очень старый, в коричневых тонах, оправленный в серебряную рамку. На нем — некий мужчина рядом с некой женщиной на

фоне пляжа. У женщины на груди все тот же медальон в форме паука. Рутьфо не узнавал ни одного из этих двоих, но откуда-то знал, что этот снимок, именно и в точности *этой*, явился причиной той тревоги, которая охватывала его в холле.

Он перевернул снимок. На задней стороне рамки, в уголке, кто-то бледными синими чернилами вывел: «*Per amica silentia lunae*»^[15]. Слова эти были ему знакомы. «Энеида». Вергилий. Не раздумывая, повинувшись некоему внезапному порыву, он сунул снимок в карман пиджака.

В этот момент он услышал голос Ракели. Она сказала ему, куда идти. Он тут же нашел лестницу. По мере того как он поднимался, свет делался все ярче и ярче. С лестничной площадки открывался вход в помещение, очень напомилавшее чердак со сваленными там вещами. Станный свет обрисовывал контуры каждой выпуклости, каждой плитки, порождая тени и призраки. Рутьфо заглянул туда и увидел девушку: она стояла и смотрела куда-то вниз. Зеленоватый свет, в этой точке почти ослепительной силы, обводил ореолом ее совершенные черты.

Свет шел от аквариума у ее ног.

— И как ты его нашла?

Она рассказала: полоска зеленоватого света под дверью, и эта дверь сама собой открылась.

Аквариум был около метра в длину. Стенки его были не стеклянными, а из какого-то пластика. На черного цвета крышке крепились зеленые флуоресцентные трубки, а к нижней части была приделана металлическая пластина с именами тех созданий, которые, нужно полагать, извивали свои гибкие тела внутри аквариума: гурами обыкновенный, отоцинклюс, сиамский петушок, гурами жемчужный... Но теперь вода уже не служила средой обитания для живых рыбок, а представляла собой отвратительного вида месиво из разложившихся органов — некое творожистое кладбище, покрывавшее всю поверхность. Зеленый свет придавал этому гниению еще более унылый вид. На гравии, устилавшем дно, все еще стояли украшения — два замка Нептуна: один белый, другой черный.

— Взгляни на провод, — сказал Рутьфо.

Он выходил из задней стенки аквариума и заканчивался вилкой, не всунутой в розетку. И как же тогда может гореть свет? «Наверное, здесь есть какой-нибудь аккумулятор», — подумал он, сам не веря в подобное объяснение. Рутьфо взялся за бока этого предмета и попробовал его приподнять — весил он прилично. Кто притащил его на чердак и для чего? Видели ли его до того полицейские? И если да, то работала ли на тот момент подсветка?

Аквариум выглядел забытым и мертвым, но трубки ярко светились, не требуя электричества. И если верить Ракели, дверь на чердак отворилась ровно в тот самый момент, когда она оказалась на верхней площадке лестницы, впрочем, как и железная дверь, пропустившая их на участок.

«Станные вещи, доктор Бальестерос».

И он стал думать: «А что теперь, что они должны предпринять, почему таким важным было это украшение интерьера в его снах, по какой причине еще и еще раз упоминала его Лидия Гаретти (или кем бы там она ни была)?»

— Может, нужно вылить из него воду? — предложила девушка, словно читая его мысли.

— Может, и так.

Рутьфо колебался. Тайны его не привлекали. И он всегда действовал, скорее повинувшись

некоему импульсу, порыву, а не по зрелом размышлении. Тем не менее здесь он решил не торопиться. Встал на колени, наклонился, почти коснувшись щекой пола, и принялся изучать гравий, подводные украшения, слой гниющей биомассы на поверхности воды. Ничто не привлекало особого внимания. Замки ничем не отличались друг от друга. Подъемные мосты были опущены, поэтому можно было заглянуть внутрь каждого из них через арку главного входа.

Вдруг он поднялся:

— Внутри черного замка что-то есть. Вполне может оказаться, что это дохлая рыба, но все-таки я проверю.

Рульфо снял пиджак и закатал рукав до локтя. Затем поднял крышку аквариума, каждую секунду ожидая, что теперь-то уж свет погаснет. Но он не погас. Почти тотчас же в нос емушибануло жуткой вонью. Отвернул лицо, на котором читалась гримаса отвращения, а Ракель закрыла свои руками. Дыша ртом, Рульфо положил крышку со светящимися трубками на пол и погрузил руку в эту склизкую массу, пальцами расчищая себе путь среди рыбьих трупов. Ощупал внутренность замка.

— Я до него дотронулся.

Это было что-то матерчатое, но оно выскользывало, норовя упасть на дно, где до этого предмета уже было бы не достать. Рульфо попробовал приложить силу и отодрать замок от дна аквариума, но тот не сдвигался — словно гвоздями был прибит к покрытому гравием днищу. К тому же выворачивающая нутро вонь не способствовала тому, чтобы Рульфо запасся необходимым терпением.

— Не так-то легко это вытаскивается.

— Давай я попробую.

Он вынул руку, с которой стекала грязная вода, и Ракель опустила туда свою, даже не сняв куртку. Ее рука погрузилась в глубину, словно прекрасная белая рыбка, и пальцы проникли в отверстие.

В этот момент Рульфо что-то почувствовал. Определить причину или значение этого ощущения он не мог, но сразу же понял, что оно не слишком отличалось от того чувства, которое охватило его при входе в дом: ощущение неотвратимости, окончательности предпринятого шага, безвозвратности. Но на этот раз, пока он смотрел на руку девушки, скрывающуюся в глубине черного замка, его предчувствие обрело такую силу, что он испугался. Рульфо ощутил вдруг острую потребность сказать ей об этом, попросить, чтобы она отступилась,

темнота

чтобы оставила всё, все эти вещи (странные вещи) как они есть, лишь бы только не стало хуже. Но пока он об этом думал, рука поднялась над поверхностью воды.

темнота. холод

— Вот она, эта штука, — объявила Ракель.

темнота. холод. круговерть

И вот тут светящиеся трубки, вмонтированные в крышку, погасли.

Темнота. Холод. Круговерть.

Задрапированное в тучи чудовище двигалось дорогами ночи. Разразилась грандиозная буря — из тех, что оставляют за собой половодье жертв, разрушенные жилища и некрологи. Дождь еще не хлынул и молнии не засверкали, но мощный порыв ветра из конца в конец пронесся по саду, сгибая ветви деревьев и предвещая близкую чудовищную грозу. Они мчались к железной двери, подгоняемые всхлипами мертвых листьев, остро пахнувших сырой землей. Оказавшись на улице, Рульфо достал ключи от машины, и беглецы забрались в нее.

Только тогда он разжал промокшую правую руку, и они смогли взглянуть на этот предмет.

Квартирка размещалась на первом этаже грязного обшарпанного дома. Они оставили машину на тротуаре и под дождем преодолели унылое пространство двора, стараясь не ступать в лужи. У девушки своей машины не было, и она приняла его предложение довести до дома, но с каким-то невысказанным смущением, и Рульфо думал, что теперь он знает, с чем это было связано. Девушка жила в районе, изобиловавшем обветшалыми тесными квартирками, которые, вне всякого сомнения, были предназначены служить пристанищем целым семьям иммигрантов. Только простая деревянная дверь и поворот ключа отделяли их от ее жилища. Выключатель ограничился тем, что щелкнул.

— Света нет, — объявила она. — Его не бывает довольно часто.

Сказав это, она не вложила в свои слова какой-либо особой интонации, словно жизнь в подобном месте казалась ей не чем иным, как обязанностью — неприятной, но неизбежной. Не стала она сопротивляться и когда он решил вслед за ней войти в квартиру.

Рульфо очутился в потемках в некоем помещении, где пахло пещерной затхлостью. Он услышал шаги своей спутницы, и спустя какое-то время свет, тусклый и мерцающий, словно колышущаяся жидкость, пробивавшийся из комнаты справа, подарил ему унылое зрелище облупленных стен, отваливающейся плитки, стульев на металлических ножках, обшарпанного дивана с парой кресел и маленького прямоугольного столика с пепельницей, полной апельсиновых корок. Источником света был походный фонарь с дышащими на ладан батарейками. Продолговатые пятна плесени покрывали стены. Через окно в противоположной стене, которое наполовину было задернуто цветной занавеской, доносился свист крыльев обезумевших скворцов. В квартире, казалось, было еще холоднее, чем на улице.

— А твоя куртка... Ты не думаешь ее снять?

— Нет, спасибо.

Девушка на секунду вышла. Рульфо потер руки. Боже, как же здесь холодно! Что же тут будет зимой? Облачка выдыхаемого им пара стужались над неверным светом фонарика. Запах сырости казался почти невыносимым. И слышались какие-то звуки (скрип, беготня), об источниках которых он предпочитал не думать. По сравнению с этой пещерой его собственная квартира на улице Ломонтано тянула на дворец.

За время пути сюда ему удалось получить на свои вопросы несколько коротких и точных ответов. Он знал теперь, что она сирота, что родилась где-то в Венгрии, но что ей довелось жить в стольких местах, что она и не помнит свою малую родину. В Испании уже пять лет,

но документов у нее нет. Работает в частном клубе: «Клиент мне звонит, и я прихожу». Рульфо ее история не поразила, он почти ожидал услышать что-то подобное. Чего он не понимал, так это какая связь могла существовать между нелегальной венгерской иммигранткой, работавшей проституткой в частной клубе, зверски убитой итальянкой-миллионершей и таким парнем, как он. И решил, что, быть может, ответ на этот вопрос содержится в тех предметах, которые они нашли в доме Лидии Гаретти.

Девушка вернулась. Куртки на ней не было, ее сменил черный свитер, она вытирала полотенцем густые и черные как ночь волосы. Рульфо обратил внимание на серебряную цепочку на ее шее. На ней висела тонкая металлическая пластинка с выгравированным именем: Патрисио. Он поднял глаза и встретился с ее взглядом. Глаза ее были похожи на бесплодную пустошь. Дрожащие тени окаймляли совершенный овал лица.

— Давай посмотрим, что мы с тобой нашли, — предложил Рульфо.

Они уселись за стол, друг напротив друга, рядом с фонариком. Неожиданный звук (дверь?) заставил обоих вздрогнуть, но она встревожилась больше. Рульфо проследил за ней взглядом: вот она вскочила, быстрая, как кошка, вот скрылась в темноте коридора.

— Иногда сюда приходят гости, которых я не жду, — пояснила она по возвращении, чуть более спокойная. — Сейчас — ничего.

«L'aura nera sí gastiga».

Слова оказались выведены синими чернилами на внутренней стороне непромокаемой жесткой ткани, стянутой шнурком, той, что она извлекла из воды. Мужчина прочел их ей и перевел: «Так терзает ветер черный».

— Данте, — сказал он, — я почти уверен — это один из Дантовых стихов, из его «Ада».

Это был мешочек с узлом на конце. Мужчина развязал шнурок, нетерпеливо его подергав, и нашел слова. А еще он вытащил то, что было внутри. И держал эту маленькую вещь на ладони. Она наклонилась, чтобы лучше ее разглядеть, и ее влажные волосы почти коснулись его головы.

— Что же это такое, черт побери! — воскликнул мужчина.

Это была фигурка, человек размером не больше его мизинца, изготовленная из какого-то материала, похожего и на воск, и на пластмассу, без лица. Мужчина перевернул ее и прочел слово, выгравированное на спине малюсенькими греческими буквами: АКЕЛОС. Имя, для нее ровно так же лишенное смысла, как и фраза на изнанке мешочка.

Девушке трудно было сосредоточиться. Тревога ее не уменьшилась с тех пор, как она покинула дом Лидии Гаретти, и причиной этого беспокойства было вовсе не то, что она догадывалась, о чем этот мужчина в конце концов попросит ее или чего потребует. Судя по тому, как он на нее смотрел, даже не на нее, а на ее грудь под свитером, она прекрасно знала, как закончится эта ночь и что ей придется делать. Но это ее не волновало. Она даже сама хотела возбудить его, довести до ожидаемого финала, и чем раньше, тем лучше, хотела отвлечь его, чтобы он не смотрел *вокруг*, чтобы не вздумал пройтись по квартире. Конечно, она не смогла воспрепятствовать тому, чтобы он довез ее до дома и вошел вместе с ней в квартиру. Она была вполне уверена, что этот мужчина — не присланный Патрисио клиент, но кое-какой опыт научил ее не отказывать никому. Она хотела только одного (*пожалуйста*), чтобы он не обнаружил *другое*. И чтобы не допустить этого, она была готова позволить ему что угодно.

— «Акелос» — что за странное слово... Никогда его не слышал. Тебе оно ни о чем не

напоминает?

Она покачала головой.

Несмотря на все это, испытываемое ею беспокойство было вызвано другой, более таинственной причиной: оно возникло, когда она исследовала дом убитой женщины. Но почему? Она не могла припомнить, чтобы когда-либо встречалась с Лидией Гаретти или бывала в том доме. Они — и Лидия, и дом — ей снились, это верно, но сны не слишком ее волновали. И хотя память иногда шутила с ней злые шутки, она очень хорошо (и мучительно) помнила все и каждое из тех мест, в которых побывала. А себя воспринимала, в соответствии с родом своих занятий, ровно так же, как ее воспринимали пользовавшиеся ее услугами мужчины, и четко осознавала, что Лидия Гаретти не могла иметь с ней ничего общего. Но что же тогда, откуда этот смутный страх, это ощущение угрозы, которого она никогда раньше не испытывала с такой силой, как сейчас?

Гроза завывала, подобно стае диких зверей. Мужчина глядел на нее. Она заставила себя сделать вид, что внимательно его слушает.

— Думаю, что именно это мы и должны были сделать. Не знаю почему, но думаю, что мы должны были найти именно *это*...

— Да, — кивнула она без особой уверенности.

— Поглядим теперь на фото.

Она увидела, что мужчина отложил фигурку и мешочек в сторону и вытащил небольшую рамку. Он пояснил ей, что в некотором роде этот портрет привлек его внимание потому, что он понятия не имел, кем могли быть изображенные на снимке люди. Она тоже этого не знала, о чем и сообщила.

— Ты обратила внимание на эту фразу? — Мужчина указывал на слова, написанные на обратной стороне. — «Под защитой луны молчаливой», — перевел он. — Это стих Вергилия, латинского поэта... Задняя стенка легко открывается...

Он нажал на заднюю часть рамки и снял ее, вынув фотографию. Но на стол выпало что-то еще. Полуистлевший листок бумаги, согнутый пополам. Мужчина осторожно развернул его.

Похоже на список имен. Девушка ничего не понимала и полагала, что мужчина тоже. Она подумала, что, возможно, сделала ошибку и что не нужно было входить в тот дом. Ей уже почти хотелось, чтобы пришел Патрисио и силой положил этому конец — у него в обычае было пускать в ход кулаки. Она почти желала, чтобы Патрисио вышвырнул этого парня на улицу вместе с этими странными предметами.

Однако она продолжила притворяться. Ей вовсе не хотелось, чтобы мужчина рассердился.

Во время чтения абсурдного стихотворения (если, конечно, это было стихом) две вещи привели Рутьфо в смятение — буря, сотрясавшая хлипкую раму оконца, и близость девушки: ее голова, что склонилась рядом с его головой, ее сверхъестественное лицо, которое чуть ли не касалось его собственного, листок бумаги, словно двойной месяц отражающийся в угольной черноте ее глаз.

Он постарался сосредоточиться на находке.

Его заинтриговал тот факт, что за снимком помещался листок. Бумага выглядела такой же древней, как и снимок, даже ветхой — когда он его разворачивал, листок чуть не распался на куски. Почерк был аккуратным, хотя выдавал дрожь руки при написании. Текст

(выцветшие синие чернила) был на испанском, но что он значил? Пример языковой игры? Какое отношение имел он к изображению пары на пляже, восковой фигурке с надписью «Акелос», спрятанной в мешочке, погруженном в аквариум, несколькими строкам из Данте и Вергилия или убийству Лидии Гаретти? «Нам следовало найти именно это, Лидия? Почему?»

Он снова перечитал первую фразу:

— Дам тринадцать. — В полной уверенности, что где-то слышал эти слова.

«*Число дамам — тринадцать*».

Вдруг он вспомнил. И тут же понял, что, если не ошибся, все осложняется еще больше, все еще серьезнее, чем он думал. Он встретился взглядом с девушкой — черные глаза, словно и не глаза вовсе, а две агатовые бусины между век.

— Есть у меня один старый друг... Он был моим преподавателем на факультете. Думаю, что он кое-что знает об этом. Мы уже давно не видимся, но... может, он согласится мне помочь.

— Хорошо.

Грохот — неожиданный, яростный — заставил ее подпрыгнуть на месте. Что-то из мебели. Дверь.

— Это ерунда, ничего, — сказала она, вернувшись после мгновенного, как молния, отсутствия. — Ветер.

Глаза ее избегали смотреть на Рутьфо.

Ночь разрасталась. Дождь уступил место мощи электрической бури, прогнавшей тишину прочь, а угасающий огонек фонарика не высвечивал, а лишь укрывал тенями каждую вещь в этой комнате.

Она предложила ему перекусить: банка мясных консервов и жаркое-полуфабрикат. Еда выглядела тоскливо, но Рутьфо проголодался. Глаза его тоже были голодны, хотя пищей им служило совсем другое: они пожирали ее лицо — сочетание черного агата и перламутра. Уже долгое время более или менее стабильные отношения он поддерживал только с проститутками, но то, что он почувствовал к этой девушке, было чем-то ошеломительным и гораздо более неопределенным, чем желание провести с ней ночь, и осознал он это как раз сейчас. Рутьфо смотрел, как она ест, не глядя на него, ожидая своей очереди сунуть вилку в консервную банку, и внезапно его чувство сверкнуло молнией и загремело громом. Он подумал, что быть с ней — это как достичь некоей цели, как удовлетворить давно подавляемое желание. Девушка эта не была похожа ни на одну другую, встреченную им в жизни, и это касалось не только ее красоты.

Он воткнул вилку в еще один кусочек мяса. Она механически сунула в банку свою. Тогда он прекратил жевать, выпустил вилку и протянул к ней руку.

Ее вилка

вспышка молнии

осталась в банке.

Случилось то, чего она ждала и к чему была готова. В полной тьме провела она его за собой в спальню — туда, где жаждущие света зеркала отразили их тела сгустками теней. Своими губами она обожгла губы мужчины, проникла своим языком в сумеречный жар его

рта. Затем подвела его к постели, уложила на спину и, усевшись сверху,

молния в стекло,

начала раздеваться.

Несмотря на окружавшие его потемки, Рульфо сразу понял, что ему никогда не доводилось видеть такое тело. Он заметил, как поблескивает ее цепочка и подрагивают в промежности три колечка. Она выгибалась с кошачьей грацией, откидывая густые волосы. Потолочное зеркало возвращало ему, в проблесках света, отражение нежных контуров девичьей спины и двух куполов упругих, совершенной формы ягодиц. Он ощутил закипавшие на нем ловкие мускулы; длинные пальцы, превращающиеся в тонкие языки; язык как неожиданный, утративший косточки, палец. Почувствовал этот язык в таких местах, где ему еще никогда не приходилось ощущать прикосновения ни губ, ни даже

молния в стекло, всполох,

света.

Ничего неожиданного. Или только одно: мужчина ее не ударил. Впрочем, она была готова и к этому. Сидя на нем со сцепленными на затылке руками (так хотел Патрисио), двигаясь вверх и вниз в четком ритме, отвернув лицо, чтобы не видеть его (так хотел Патрисио), следя за тем, чтобы каждый кусочек ее тела был доступен рукам мужчины, она ожидала неприятного момента со своей обычной стойкостью. Но ударов не последовало. Однако благодарности она не почувствовала: те, что ее не били, были еще хуже.

Молния в стекло, белый всполох.

Разбудил ее резкий звук. Она прокрутила в памяти все, что было, и успокоилась: все вышло хорошо, и секрет ее, к счастью, раскрыт не был. Теперь же мужчина спал, а гроза продолжалась.

Но она чувствовала то же самое беспокойство, которое охватило ее в доме Лидии, — ту тревогу, тот острый, пронзающий ужас, который теперь ее не покидал.

Она поднялась. Не заметила ничего необычного в темноте спальни.

За стенами дома молнии раздирали ночь на куски.

Рульфо открыл глаза. Он лежал на спине в незнакомой постели. Взглянул на потолок.

Потолок был она. Ее обнаженное тело наклонилось над ним. Пряди волос цвета воронова крыла касались его щеки.

— Тебе пора уходить, — сказала она.

Она ласкала его грудь, и ее губы, прошептавшие те самые слова, были так близко, что ему даже не пришлось приподниматься, чтобы еще раз попробовать вкус этих губ.

— Тебе нужно уходить, — повторила она, когда их губы разъединились.

Она его не отвергала, ни к чему его не принуждала, только просила. Но в ее просьбе промелькнула тревога, которой он не мог пренебречь.

— Когда я смогу тебя увидеть?

— Когда захочешь.

— Мне нужно увидеть тебя, — продолжил Рульфо. — Нам нужно снова увидеться.

— Да.

Было еще темно, но буря утихла. Слегка ополоснув лицо, ощупью, в крошечной и ледяной ванной комнате, Рульфо вернулся в спальню, собрал свои вещи и оделся. Она проводила его по коридору к выходу. Пока они шли по квартире, от их дыхания поднимался пар, и он снова задался вопросом, как эта девушка могла бродить голой в этой морозильной камере. Судя по зеркалам, казалось очевидным, что она принимает клиентов и здесь, но вот он послал бы ко всем чертям того, кто рискнул бы предложить ему жить в подобного рода трущобах.

Кроме столовой, кухни, практически инкрустированной в стену, и этой спальни, в квартире была еще одна комната, но дверь в нее была закрыта. Немного не доходя до нее, девушка развернулась и вновь прильнула к нему губами. И они продолжили путь, целуясь.

Добравшись до входной двери, она отстранилась.

— Сейчас поеду напрямиком к тому другу, о котором тебе говорил, — сказал Рульфо. — А потом поговорим.

— Да.

С порога — руки на поясе, полушария груди вздымаются в такт дыханию — девушка молча смотрела на него.

Рульфо попросил номер ее телефона. Состоялся быстрый обмен номерами на клочке бумаги; записывала она, и она же разделила листок пополам. Когда он уже не мог ее видеть, во дворе, ему показалось, будто в глазах потемнело. Заметил, что накрапывает дождик. С улицы доносился тяжелый запах.

Приехав на улицу Ломонтано и пошарив в карманах пиджака, он обнаружил, что у него с собой только портрет в рамке и листок: фигурка и матерчатый мешочек остались на столе в ее крошечной столовой.

Девушка видела, как он уехал. Одновременно закрыв и дверь, и глаза, она на секунду прислонилась к стене.

Он уехал. Наконец-то.

Она никогда не решилась бы его выгнать. Даже простая просьба уйти, с которой она к нему обратилась, стоила ей невероятных усилий, потому что она не имела привычки просить никого и ни о чем, за исключением того, что дано ей не будет никогда. Но он ушел. Все складывалось удачно.

Она вернулась в коридор, остановилась перед запертой дверью. И открыла ее.

Явился Рульфо без предупреждения. Его не очень волновало, дома ли Сésар, захочет ли или (что вполне возможно) не захочет его принять. Договариваться о встречах по телефону он ненавидел. Поднялся наверх в шумном старинном лифте с решеткой, вышел на последнем этаже и позвонил в звонок у единственной на этой площадке двери, возле которой на табличке каллиграфическими, с завитушками, буквами были выведены имена Сесара Сауседы Герина и Сусаны Бласко Фернандес.

Пока ждал перед дверью, он успел взвесить шансы в пользу того, что откроет ему Сусана. Представил себе, через столько-то лет, возможные выражения ее лица и не отбросил ни один из ее вероятных взглядов — проникнутый ненавистью, печалью, ностальгией. А потом решил, что откроет ему, скорей всего, прислуга.

Но открыл ему он, дьявол собственной персоной, в своем красном халате, из-под

которого выглядывал черный блейзер, и своих гротескных очочках синего стекла, сидящих на носу.

Сесар смотрел на него, не произнося ни слова.

Плохо готовый к последнему из всех теоретически возможных вариантов, Рульфо поддался внезапному душевному порыву:

— Привет, Сесар. Захотелось тебя увидеть.

Сесар Сауседа был не кем иным, как дьяволом.

Мелким, но достаточно злокозненным, чтобы его занятия по такому скучному предмету, как литература, никогда не проходили незамеченными. Рульфо познакомился с ним еще в те времена, когда тот был ловцом душ человеческих. Заключаемый с дьяволом договор назывался докторской диссертацией, и Сауседа добавлял к нему статьи, имевшие отношение в первую очередь к самым юным студенткам. По правде сказать, он был человеком, не мучимым угрызениями совести, но что в нем привлекало Рульфо, так это невероятный контраст между неистощимой фантазией и жестокой рациональностью. «Я — поэт, влюбленный в действие» — такими словами обычно характеризовал себя его бывший научный руководитель. А вот своего ученика он определял через инверсию: «А ты — человек действия, влюбленный в поэзию». В принципе, в таком сочетании не было ничего плохого: порыв молодого студента привел к тому, что они познакомились, а ровная холодность профессора способствовала тому, что их дружба протекала без превратностей. Парадоксально, но обе эти характеристики сыграли свою роль в том, чтобы яма, вырытая между ними Сусаной, стала еще глубже.

Мансарда, напоминавшая павильон Веласкеса, была поделена на две квартиры, бо́льшая из которых представляла собой огромную спальню с окнами, откуда открывался чудный вид на парк Ретиро^[16]. Сесар называл его «своим» Ретиро. Выражение было как нельзя более точным, поскольку Сесар уже оставил преподавание и единственным смыслом его жизни было теперь уютное существование в окружении любимых вещей и Сусаны. Как и положено настоящему дьяволу (хотя и мелкому), недостатка в деньгах и женщинах у него никогда не было: он всегда умел раздобыть и то и другое, когда запасы истощались, и знал, как этими ресурсами воспользоваться, когда они были в его распоряжении. Несколько лет назад он собрал некоторое количество бывших учеников и организовал литературно-артистико-оргиастический кружок, заседания и вечеринки которого одно время были заметными событиями в Мадриде. И его «дорогой ученик Рульфо» был членом этого кружка.

Все это было до того, как между ними встала Сусана.

— Посредственность этого мира непостижима, Саломон. Жизнь становится для меня маловата. Я всегда говорил: мы, рокедальцы, народ беспокойный. Что бы мы еще могли предпринять, чтобы вновь получать от жизни удовольствие?.. Ты помнишь эту девушку?.. Как же ее звали?.. Пилар Руэда?.. Она вышла замуж, поверишь ли?.. И теперь разводит детей. Я встретил ее не так давно. Последнее, чего я мог от нее ожидать, так это материнской шарообразности фигуры, клянусь. Я сказал ей: «Похоже, ты позабыла о том, чем занималась в моем доме, Пилар». А она отвечает: «Этим невозможно жить...» Нет, если точно, она сказала: «Я не могу жить, занимаясь этим». Потому что самое главное — это жить, кто бы спорил.

Он пригубил вермут и стал вертеть рюмку, продолжая говорить:

— Возможно, решение в том, чтобы снять противоположности. Превратить плотское в

наивысшее духовное удовольствие. Знаешь, кто был самым большим святотатцем из тех, кого я знал?.. Не помню, говорил ли я тебе о нем. Это был один французский предприниматель, считавший себя прямым потомком де Сада. Одна из его маний заключалась в том, что, устраивая у себя званый ужин, он ставил на стол освященные облатки. Он приказывал прислуге воровать их из церкви. Я серьезно, поверишь ли?

— Верю.

— Облатки должны были быть настоящими, подделки не годились. Он раскладывал их по подносам, и их подавали под видом канапе. С печеночным паштетом и анчоусами, мягким свежим сыром и белужьей икрой, ломтиками лосося и каперсами... Священники из соседних приходов заявляли о кражах, а полиция предполагала, что это дело рук секты сатанистов... Секта сатанистов!.. Он-то со смеху помирал, паскудник. Постой, это еще не конец истории. Как-то раз я спросил его, зачем он это делает, зачем употребляет облатки как основу для канапе. И знаешь, что он мне ответил?

— Понятия не имею.

— «Да без начинки они *пресные*, Сесар». Ха-ха-ха! Правду сказать, этот паскудник — большой шутник. Но не атеист, совсем нет. «Ты не атеист, — сказал я ему при случае, — единственное, чего ты добиваешься, так это вкусить плоти Божией, сдобренной „Дьяволятами Ундервуд“...»^[17] Гениальный был тип. Мы с ним немало времени провели, обсуждая спорный вопрос: ад бесконечен или неиссякаем? Оба мы сходились в том, что если он просто бесконечен, тогда это пытка. Но если он неиссякаем, кто тогда захочет, чтобы он когда-нибудь закончился? И пришли к выводу, что для нас хуже, гораздо хуже истощиться, чем умереть. И мы добавили постскрипту к посылке Рабле, которую потом присвоил Алистер Кроули^[18]: «Делай что хочешь, но стремись к *разнообразию*». Хороши были беседы, да, сеньор...

Тут он схватил бумажную салфетку и поджег ее от сигары. Затем принялся разгонять струи дыма.

— Теперь уже нет никаких бесед, ни хороших, ни плохих... Ничего уже нет. Все пронизано вульгарностью. По крайней мере, меня еще спасает поэзия. И надеюсь, что она спасает и тебя.

— Да, спасает и меня.

Когда-то Сесар был не некрасивым мужчиной, а маленьким стройным принцем на белом коне. «Но я поцеловал не ту принцессу», — обычно пояснял он. Теперь же он сделался некрасив в высочайшей и глубочайшей степени: маленькие серые глазки под бровями домиком, похожими на рожки рогатой змеи, жидкие пряди седых волос, усы и борода клином в придачу. Нос картошкой обычно украшали очки в металлической оправе с синими стеклами, которые никак не помогали лучше видеть вещи (скорее, наоборот). Но когда Рульфо слышал, как он говорит (и подозревал, что в этом он не одинок, — так случалось со всеми), он быстро забывал о внешности этого человека. Голос его был красивым, низким, с легким андалузским акцентом (рокедальским, как сказал бы он сам) — к тому же, как сказала бы Сусана, язык у него был хорошо подвешен, — и годы этот голос пощадили.

— Рад видеть тебя, Саломон, клянусь, и Сусана тоже будет рада. Она сейчас придет, ей нужно было сходить в... Кстати, а не остаться ли тебе на обед?.. Не отказывайся. Нам о многом нужно поговорить... Сусана просто великолепна, сейчас сам увидишь... Понятное дело, в тридцать-то лет любой... Когда-нибудь я напишу в ее честь оду. Она идет наверх, а я

— вниз. Инь и ян... А где ты сейчас работаешь? Последнее, что я о тебе слышал, — это что ты ведешь занятия в литературной мастерской...

— С конца лета я безработный.

— Человек вроде тебя — и без работы?.. И это и есть та новая страна, которую мы строим?.. Мы — европейцы, когда речь заходит о наших обязательствах, но наша безработица остается сугубо национальной. И ты ничего не собираешься предпринять?..

— Не ошибусь, если скажу, что бывали у меня и худшие деньки.

— А я отвечу, что если тебе и так хорошо, то нет ничего лучшего в жизни, чем не работать. Посмотри на меня, к примеру. Но в твоём возрасте еще рановато для этого. Ну а в моем — слишком поздно... Я состарился, не заметив как и когда.

— Тебе же еще и шестидесяти нет, Сесар.

— Ну и что, ведь это всего лишь цифра. Я стар. Чувствую себя старым. И Сусана это замечает. — Он умолк и сделал еще глоток вермута. — Могу тебе признаться, что раньше нас большее объединяло — ее и меня. А сейчас она почти не бывает дома. У нее всегда куча дел в ее театре, но я ее не осуждаю: она молода и пока что думает, что деятельность имеет смысл. Не осуждал я ее и тогда, когда... В общем, когда случилась ваша история. Да, я должен честно сказать тебе об этом. Я никогда не мог понять, почему мы отдалились друг от друга. А то единственное, чего я так и не понял в ваших взаимоотношениях, так это то, почему вы меня в них не посвятили.

Рульфо знал, что эта тема рано или поздно всплывет, хотя не мог предполагать той легкости, с которой далось Сесару ее упоминание. В его намерения не входило заглатывать наживку, но раньше, чем он об этом подумал, рот его уже открылся, чтобы так ее проглотить.

— Сказать тебе об этом было бы абсурдом.

— Любой выбор, все что угодно, лучше, чем ждать, пока контрагент узнает обо всем случайно, не так ли? — возразил Сесар без малейшего намека на раздражение в голосе.

— Мы не были уверены в своих чувствах. И я по-прежнему думаю, что поступили мы правильно.

— Понятно. Ты всегда был бунтарем. Еще в университете.

— Ну а тебя всегда привлекала роль наставника бунтарей.

— Но ты-то был бунтарь-романтик, а это самое худшее. Раз уж ты пришел нас проведать, кое в чем я тебе признаюсь: меня не так задел тот факт, что ты спал с Сусаной, как этот твой мыльный романтизм, которым ты ее умащивал наедине. То, что вы трахались, мне казалось логичным. Парень, я сам тебя с ней познакомил, и я застолбил ее раньше тебя, если можно так сказать, но тогда она еще была молоденькой актрисой, а ты — молодым выпускником университета с дипломом филолога. Оба вы были молоды и красивы. И ты тоже, да. Демон, настоящий гребаный демон, серьезно, взгляни на себя только... С этими черными кудрями и бородой а-ля Че Гевара... Стоит девушкам тебя увидеть, как они теряют рассудок, и я их понимаю. Твой недостаток — доброта. Невозможно иметь такое лицо и быть таким добрым, как ты, Саломон. Ты похож на грешника, которому вздумалось стать аскетом. На самом-то деле — и я готов признать это — ты всегда был бóльшим поэтом, чем я. Мы оба любим поэзию, но поэзия любит только тебя... хотя останется жить со мной. И не думай, что это всего лишь игра слов.

— Почему бы нам не отложить в сторону эту тему, Сесар? Я пришел не для того, чтобы...

— Ты полагаешь, что Сусану можно в один прекрасный момент отложить в сторону? Если ты и вправду так думаешь, мой дорогой ученик Рульфо, это значит, что ты сильно изменился...

— И чего ты добиваешься? Чтобы мы снова стали драться?

— Нет-нет-нет, — успокоил его Сесар. — Прости, что заговорил на эту тему. На самом деле единственное, чего я хочу, так это жить. Иногда я просто умираю. Хотя и не до конца, и это — самое ужасное...

сусана.

Звук открывающейся входной двери вызвал улыбку на губах Сесара.

сусана. здесь

— Потому что, видишь ли... Жизнь опять и опять возвращается в мой дом, — прибавил он, усмехаясь.

Сусана. Здесь.

Глядит на него.

— Ну вы что, не собираетесь поздороваться?.. Смотри-ка, какое выражение появилось на ее лице, когда она тебя увидела, Саломон. Таким ее лицо не бывает ни в чьем присутствии, клянусь тебе... Ха-ха-ха!

На обед была подана овощная запеканка и телячьи отбивные — тоненькие, как следует прожаренные, как любил Сесар, в сопровождении сыра рокфор, следом — фрукты с сыром грюйер. Все из одного кейтеринга^[19], объяснили ему, они теперь так питаются, с некоторых пор заказывая все в кейтеринге, никто из них не испытывает желания готовить, но Рульфо с трудом верил, что это стало ежедневной рутинной, поскольку заметил, что оба уткнулись в тарелки с необычным энтузиазмом. Трапеза сопровождалась французским вином, название которого ни о чем ему не говорило, хотя они в один голос уверяли, что откупорили эту бутылку специально для него. Ее палец был перевязан бинтом — домашняя травма, по ее словам (он же сразу подумал, не сохранилась ли у нее привычка грызть ногти): эта повязка коснулась его костяшек, когда они чокались. Обед был съеден быстро и почти в полной тишине, и Рульфо решил, что дождется десерта, чтобы задать тот вопрос, с которым пришел. Затем Сусана принесла клубнику и уселась на середину ковра, а Сесар занял свой любимый диван; Рульфо сделал выбор в пользу пола, хорошо зная, что хозяин дома получит удовольствие, видя обоих у своих ног. Виолончель Макса Регера вырвалась из колонок, по несколько кубиков пахнущего медом коньяка «Курвуазье» было разлито по рюмкам; правда, Сусана предпочла ликер «Драмбуи». Поданная на десерт клубника оставляла на ее губах сургучные печати.

Она изменилась, теперь и Рульфо мог в этом убедиться. Да, она изменилась. Покрасила волосы в более светлый оттенок, и легкие морщинки заключили в круглые скобки ее улыбку. Она все еще была, без сомнений, очень привлекательна в этих фирменных джинсах в обтяжку и свитере с высоким воротом, на который спадала буйная шевелюра соломенного цвета, но для Рульфо она уже принадлежала прошлому, и он очень хотел бы, чтобы это его

чувство оказалось взаимным.

В начале беседа крутилась вокруг нового и неожиданного проекта Сусаны — продюсирование театральных постановок.

«Продюсирование театральных постановок, бог мой!»

— Я не то чтобы собралась совсем оставить актерскую карьеру, но Сесар подал идею, и он прав... Нужно учитывать длительную перспективу. Не поверишь, но, если вникнуть, создать собственную компанию не так уж и сложно.

«Она и я, в машине, оба в хлам пьяные, во время той нашей вылазки... Она разделась и натянула на запястья мои браслеты, которые я обычно носил, когда был за рулем...»

— Проблема небольших трупп в том, что они почти никогда не получают субсидий, а теперь и того меньше.

— Культура всегда отвращает правительства, Сусана.

— Конечно, что ты еще можешь сказать?

— Вот перед тобой наш друг Саломон. Дипломированный преподаватель, который не может найти работу.

— Невероятно! — Она надкусила еще одну ягоду.

«Мы намеревались опрокинуть все нормы. Собирались создать секту. „Клуб адского пламени“ в Мадриде, сказала ты однажды...»

Сесар удалился. «Миг досуга», — объяснил он, но его хватило, чтобы молчание опутало обоих оставшихся в комнате. Сусана постукивала по носику забинтованным пальцем, одновременно поднося к губам сигарету.

Слова она выпустила изо рта вместе с дымом:

— Учитывая то, сколько времени мы не виделись, ты не слишком-то разговорчив, Саломон.

— Меня сбила с толку твоя новая роль бизнес-леди.

Он увидел, что она приняла удар с загадочной улыбкой, как будто говоря: «Я знаю, что ты знаешь, и ты знаешь, что я знаю». И он отметил еще одну деталь в ее лице, которая тоже подверглась изменению: ямочка на подбородке углубилась. Пока он ее рассматривал, грозовая туча с жаркими образами тела Ракель в свете вспышек молний пронеслась у него в голове.

— Мы все меняемся. Ты, например, решил отрезать по живому и больше с нами не встречаться...

— Я не слишком счастливо жил с тех пор.

— А мне говорили, что вполне. У тебя ведь была невеста, разве не так?

— С этим покончено. — Ни Сусана, ни Сесар не знали о том, что случилось с Беатрис, и Рульфо подумал, что сейчас не самый подходящий момент, чтобы об этом рассказывать. — Я продал квартиру. Сейчас живу в другой, поменьше.

— Об этом я знала. — С лица Сусаны не сходила заговорщическая улыбка. — Все в конце концов меняется. Пилар вот вышла замуж, Сесар тебе говорил?.. А Давид и Алваро работают на правительство. Смотришь назад и понимаешь, что теперь все уже не так, как было раньше. Уже не случаются удивительные приключения. Может, это и есть приметы старения... Да ты меня и не слушаешь... О чем задумался?

— Нет, напротив, я тебя слушал, — подал голос Рульфо. — А со мной вот произошло нечто удивительное.

— Расскажешь нам?

— Да я и пришел к вам, именно чтобы рассказать.

Сесар вернулся, держа поднос с кофе.

— Кофе могла бы приготовить и я, — произнесла Сусана наигранно жалобным тоном.

— О, ну как я мог лишиться тебя удовольствия пообщаться немного с нашим гостем наедине?.. Если кто-то желает сахара или молока, берите сами. Ну а теперь, что же такое ты хочешь нам поведать, мой дорогой Рульфо?

Рульфо вынул оба предмета и передал Сесару листок:

— Позже я расскажу тебе, где и при каких обстоятельствах я это нашел. Но сначала скажи мне: приходилось ли тебе что-то об этом слышать?

Его экс-преподаватель молча покачал головой, но, когда Рульфо протянул ему фотографию, выражение его лица полностью изменилось: он словно окаменел. Он долго разглядывал снимок, потом взглянул на его обратную сторону и, наконец, поднял глаза на Рульфо, словно прося у него что-то — то ли объяснения, то ли помощи. Рульфо заметил на его лице отражение той эмоциональной реакции, которой меньше всего ожидал от человека, сидевшего перед ним.

Сесар Сауседа был напуган.

IV. Дамы

Думаю, вы поймете меня лучше, когда я расскажу вам... Это случилось много лет назад, но я помню все до последней детали... Кроме того, Саломон обещал сказать, как он нашел эту бумагу и этот снимок, так что я... Будет правильно, если я просвещу вас относительно их происхождения...

Он вновь поднес к губам рюмку, словно надеясь почерпнуть в ней силы для продолжения. И когда он заговорил, перед ними снова был тот профессор, которого оба хорошо знали, — с удивительным прозрачным низким голосом.

— Мне было девять или десять лет, и я жил в том самом городе, в котором родился, в Рокедале... О нем, помнится, я уже рассказывал: о его легендах, его тайнах, его безбрежном море... Но то, о чем я буду говорить, имеет отношение не к Рокедалю, хотя произошло именно там, а к моему деду по материнской линии, Алехандро Герину... Мой дед Алехандро был столяром; он овдовел, когда родилась моя мать, и, быть может, именно эта трагедия пробудила в нем внезапное желание заняться тем, что ему действительно нравилось, то есть поэзией. Те, кто его знал, утверждали, что стихи были у него в крови и струились по венам. Даже Мануэль Герин, нынешний рокедальский поэт, сын одного из племянников моего деда, уверяет, что унаследовал свою профессию от дяди Алехандро...

Эта страсть подтолкнула деда сделать то, что в то время считалось почти невыполнимым: он уехал из городка, предоставив свою новорожденную дочь заботам одной из сестер, которая была бездетной и поэтому с радостью взяла младенца. Из его редких писем стало известно, что обосновался он в Мадриде, а также о том, что, как только ему удавалось заработать своим ремеслом какие-никакие деньги, он пытался публиковать свои стихи. Потом, неутомимый странник, он собрал пожитки и отправился в Париж. Но тут разразилась война, и известия от него приходили перестали. Прошли годы, Франция была под оккупантами, и все в Рокедале стали думать, что мой дед умер или, что тоже возможно, сидит в тюрьме. Когда война закончилась, они уверились в том, что никогда больше о нем не услышат. И вот тут-то случилось нечто еще более невообразимое, чем его отъезд: он вернулся. — Сесар сделал паузу и провел указательным пальцем по поверхности снимка, словно был слеп и намеревался прочесть рельефные слова. — Вам должно быть понятно то удивление, с которым его встретили. Многие люди уезжали, многие оставались, но из тех, кто уехал, в послевоенную Испанию не возвращался почти никто. Дедушка Алехандро был исключением. В один прекрасный день его увидели сходящим с поезда с чемоданом в руке, точно так же как его видели входящим в вагон другого поезда несколько лет назад. Поводом для приезда стала свадьба его дочери. Излишне говорить, что весть о его возвращении никого не обрадовала. Все думали, что он будет противиться этому браку, но он удивил всех еще раз, потому что единственное, чего он желал, по его собственным словам, так это осесть в Рокедале и прожить здесь на покое до конца своих дней. Кроме того — немаловажная деталь! — он привез деньги. Часть из них он подарил дочери, другую — сестре, которая ее воспитала, а немного денег оставил себе, чтобы открыть на них маленькую столярную мастерскую. Он обещал, что никого не побеспокоит, и сдержал свое слово. Люди его приняли. Поняли, что зла он никому же желает, что пришел с миром. Странными казались только две вещи: он абсолютно не желал, даже если к слову приходилось, говорить о своей жизни в Париже, а еще он не говорил о поэзии. «Я не поэт, — утверждал он. — И никогда

поэтом не был. Столяр я». — И, говоря это, смотрел на собеседника так, что у того пропадало всякое желание еще раз спросить об этом.

Прошли годы, родился я и рос, восхищенный историей моего деда Алехандро, «парижанина». У меня вошло в привычку проводить дни в его мастерской на окраине городка, и дед, вообще-то упрямый, в конце концов меня принял. У меня были определенные литературные амбиции, ему я говорил, что хочу сделать то же, что сделал он: уехать из Рокедаля, чтобы стать писателем. Я показывал ему мои стихи, но он никогда их не читал. Просто он допускал меня в свое одиночество. Он называл меня Гури, был со мной всегда приветлив, нахваливал мои глаза, мою фигуру. Кончилось все тем, что нас связала крепкая дружба, и благодаря ей я смог понять то, чего не знали остальные: мой дед вовсе не пресытился «жизнью богемы» и не пережил горькое разочарование от неожиданного поворота ветреной фортуны, которое заставило его вернуться. На самом деле мой дед жил в постоянном страхе. Этот страх был старым, витающим в воздухе, как зараза. Дед пристрастился к выпивке, привык к молчанию, к мельком бросаемым взглядам... Как будто он ждал, что вот-вот что-то случится, и одновременно этого боялся...

Мне было, как я вам уже сказал, лет девять-десять, когда все произошло. Это случилось летом, я был на каникулах, что позволяло мне видеть деда чаще, чем обычно. В то утро я отправился в его мастерскую, как почти в любой другой день, и...

Его удивило, что дверь была закрыта.

Хотя заказчиков у старика не было (порой целыми днями никто не навещался), дверь по утрам он никогда не закрывал, даже в праздники. Мальчик испугался, что дедушка заболел. Постучал костяшками пальцев в дверь и подождал. Потом принялся барабанить в оконное стекло.

— Дедушка?!

Внутри кто-то завозился, что немного успокоило мальчика. Может, старик просто заснул? В последнее время он много пил и неохотно покидал постель. С другой стороны, погода в тот день не очень располагала к прогулкам. Небо было серым, а жара удушающей. Ветер нес из Африки жар Сахары, который едва смягчался морем, и горы, ошестинившись кустами ладана, мерцали вдалеке. Два гелиотропа, которые дед посадил в горшок, казались такими же растревоженными, как и день. «Наверное, будет гроза, — подумал мальчик, — один из тех летних ливней, которыми изливаются дырявые тучи». Его такая перспектива вполне устраивала: если пройдет дождь, то вечером будет здорово спуститься на пляж. Море под струями дождя всегда отличалось какой-то зловещей красотой, на пирсе ошалело кричали чайки. Кроме того, его приятели непременно воспользуются безлюдьем, чтобы пострелять в черных уток самодельными, но очень острыми грабовыми дротиками. Может, и дед захочет составить им всем компанию.

— Гури? Это ты?

Дверь открылась, и в тот же момент улыбка исчезла с лица мальчика. Бледный, потный, как свеча, тающая безо всякого пламени, старик смотрел на него расширившимися глазами. По накалу его слов мальчик понял, что дед пьян.

— Входи же, Гури, давай.

— Что с тобой, дедушка?

— Входи!

Старик закрыл дверь и прошел внутрь. Они оказались в мире, где пахло стружкой, в

мире, населенном страшными на вид инструментами, ароматным и молчаливым деревом. Мир мебели без отделки, без лица: предметы эти походили на еще не родившихся младенцев. В дальнем конце мастерской располагалась дедова спальня, его «скит отшельника», как он ее называл. Комната была в равных долях заставлена винными бутылками, банками с лаком и креозотом. От графина шел резкий запах алкоголя, а грязный стакан свидетельствовал о том, что хозяин, по-видимому, пил с прошлого вечера.

Старик ходил из угла в угол, неторопливо, осторожно выглядывая в окна и проверяя, хорошо ли закрыты двери. Потом он наклонился и поднял мальчишку на руки:

— Гури, окажи мне одну услугу, важную услугу... Я хочу, чтобы ты выяснил сегодня же, прямо сейчас, где остановилась женщина, которая вчера вечером приехала в город... Слушай меня, не перебивай... Я хочу узнать ее имя и откуда она приехала... Она очень молода и очень красива, так что все ее наверняка заметили. Гури, не подведи меня... Хороший мой, не подведи...

— Женщина, да, дедушка?

— Да, молодая, высокая и очень красивая. Она приехала вчера вечером. Хочу, чтобы ты мне сказал, откуда она приехала... И... Обожди, не убегай пока что!.. Самое-то важное. Вернее говоря, две самые важные вещи: проверь, носит ли она кулон на груди, ну, знаешь, такое золотое украшение... Если да, то поспрашивай, какой оно формы. Но, ради всего святого, если ты на нее наткнешься — слушай внимательно! — если ты ее вдруг увидишь... Послушай меня, Гури, мальчик мой... Не разговаривай с ней, не подходи к ней, даже если она будет звать... Даже если позовет! Ты меня понял?..

— Дедушка,пусти, ты делаешь мне больно...

— Ты меня понял?

— Да, дедушка.

— А теперь беги и возвращайся как можно скорее.

Мальчик был совершенно не против того, чтобы выполнить первую часть этого распоряжения. Он просто сгорал от желания уйти оттуда. То, как дед вел себя, наводило на него ужас. Он не знал, что такое творилось со стариком, но стоило ему заглянуть деду в глаза, как по спине бежали мурашки.

Вернулся он спустя два часа. На этот раз дверь в мастерскую была открыта. Голос старика, доносящийся откуда-то из глубины, пригласил его войти. Деда он нашел сидящим в плетеном кресле-качалке.

— Никого, дедушка.

— Что-что?

— Я хочу сказать, что нет никого, кто приезжал в город — ни вчера, ни за всю неделю.

— Ты уверен?

— Совершенно уверен. Я спрашивал в пансионе, в гостинице... Сбегал в бар «Ла Троча». Там всегда обо всем знают. И мне сказали, что никто не приезжал. Никто.

Он не захотел прибавить то, что слышал практически от каждого, с кем поговорил, и в чем и сам был убежден: что его деду не стоит так много пить. Он не смог бы сказать это старику. Он до безумия любил этого человека с седой бородкой, медленно расплзающейся по голове благородной лысиной и глазами, которые в лучшие свои моменты напоминали распахнутые окна в тот мир, который мальчик так хотел познать.

Он думал, что дед обрадуется, услышав новости, но увидел, что это не так: казалось, дед расстроился еще сильнее, чем раньше. Но вдруг выражение его лица изменилось. Он

улыбнулся и подмигнул внуку:

— Мне очень неудобно просить тебя еще об одном. Но если тебя это не устроит, просто скажи мне, и лады, идет?

— Идет, деда.

— Ты у меня парень что надо, замечательный парень. Так вот, мне хотелось бы, чтобы... чтобы ты попросил у родителей разрешения прийти ко мне сегодня вечером. Поиграем в карты или во что-нибудь другое, во что захочешь... Потом, если тебе не нужно будет бежать домой, я уступлю тебе кровать, а сам буду спать на диване... И я тебя не побеспокою, обещаю...

— Но, деда...

— Да, я понимаю, что предложение скучновато для тебя, но...

— Скучновато, говоришь?.. Да оно здоровское! Побегу отпрашиваться у мамы!

Никакой проблемы с мамой не было, и он заранее был уверен в таком исходе. В семье, как и вообще в Рокедале, все в конце концов сошлось во мнении, что старик совершенно безобиден. Правда, мать ничего не хотела знать об этом живущем на окраине столяре, от которого она получила только улыбку, поцелуй и приличную сумму денег, но она не мешала сыну частенько к нему забегать.

Тем не менее, когда пришел назначенный час, случилось нечто, что едва не порушило все планы. Сгусток горячего воздуха, собравшийся в небе, разрядился над морем и протащил тучи песка и пыли по улицам городка. Мальчик догадался выйти из дома пораньше, чтобы родителям не взбрело в голову не отпустить его в непогоду. Но, несмотря на эту предусмотрительность, к мастерской он подошел уже под проливным дождем. Что-то напоминавшее огонек светлячка под стеклянным колпаком плавало в окне. Старик впустил его внутрь.

— Да ты совсем промок, малыш. Заходи и сушишься.

Первым, что привлекло его внимание, был изменившийся голос деда. Он уже не дрожал, в нем не было страха, но и других эмоций не было. Из рта по-прежнему пахло алкоголем, но не больше, чем утром. И движения его были четкими, резкими, уверенными. Из всего этого мальчик сделал вывод, что старик трезв как стеклышко. И только потом, спустя много лет, он пришел к выводу, что ошибался. Но в тот далекий день ребенок еще не знал, что есть такая степень опьянения, что начинается уже за пределами дрожи, заикания и шутовского вида, — это абсолютное опьянение, которое сродни сумасшествию и умеет прятаться в глубине взгляда.

Старик прошел через всю мастерскую, не покачнувшись, добрался до своего «скита», освещенного парой свечей, вставленных в пустые бутылки, и, почти не сгибая коленей, уселся в свое плетеное кресло-качалку.

— Сними рубашку и повесь ее сушиться. У меня есть немного сыра, если хочешь заморить червячка.

— Я только что поужинал, деда.

Какое-то время они смотрели друг на друга в полной тишине, только дождь шумел за окном, и тут мальчик заметил, каким бледным было лицо деда. Как будто за то время, что они не виделись, вся кровь из его головы вытекла через какое-то отверстие.

Наконец дед снова заговорил:

— Я очень благодарен тебе за то, что ты пришел... Мне хотелось поговорить с тобой, кое-что тебе рассказать... Рассказать правду... — Дед чуть склонился над внуком и

улыбнулся. — Честно говоря, я хочу рассказать тебе *все*. — Он замолчал, но улыбка никуда не делась: она казалась инкрустированной в его лицо, как та отделка, которой он украшал мебель в своей мастерской. — Ты много раз спрашивал меня, продолжаю ли я писать стихи, так?.. Что ж, открою тебе секрет... — Он протянул руку к книжным полкам и вытащил тетрадку с изрядно помятой обложкой. — Здесь то, что я никогда никому не показывал. На этих страницах ты найдешь все, что я написал за последнее время... Все.

Мальчик чуть было не улыбнулся в предвкушении, но тут кое-что понял.

Это осознание пришло таким яростным, таким взрослым, почти ощущением пощечины на лице.

Его дед был болен. Серьезно болен. И не то чтобы заболел он как-то внезапно, в это мгновение, нет, это мгновение всего лишь позволило прорваться давней хвори, обитавшей внутри, проложить наконец себе дорогу сквозь его усталые черты, через глаза, похожие на два невосприимчивых к свету омута, и губы, покрытые серебристой пленкой слюны.

Старик замер в своем кресле. Мальчику почудилось, что морщинистое лицо, которое он видел перед собой, было лицом незнакомца, какого-то дряхлого сморчка, полностью слетевшего с катушек, старого козла. «Его дед — старый козел, вот он кто».

— Хотел бы ты прочесть поэму, которую сочинил твой дед, малыш? Поэму, которую он писал на протяжении *нескольких лет*?.. Ну давай же, не скажешь же ты «нет»! Парень, ты же всегда хотел прочесть поэму твоего знаменитого деда Алехандро!.. Хочешь ее прочесть?.. — И вдруг, между двумя раскатами грома, крик: — Отвечай мне, сукин сын!

Мальчик сказал «да», но его собственные уши не слышали этого ответа.

— Ну так вот она, держи.

Тетрадь не дрожала, однако затряслась, когда ее взяла детская рука.

— Читай ее. Читай мою поэму, пацан.

С трепетной осторожностью мальчик открыл первую страницу. Слов там не было, только рисунок, неумело выполненный цветными карандашами, — желтый цветок. На второй странице — синяя птица. На третьей — женщина, привязанная к спинке кровати, ноги широко раздвинуты, а

дамы

на следующих — человечьи головы с красными петушиными гребешками, растущими из черепа; лицо с белыми глазами; рыжая девочка с отрезанными кистями рук засовывает одну из культей себе в

дамы числом тринадцать

девушка с острыми зубами; черенок метлы до самых веток засунут в чьи-то гениталии

дамы числом тринадцать:

номер один Приглашает

зачеркивания, пятна, открытые рты; покрытое червями лицо; повешенный человек; женщина со вспоротым животом; гадюка, проползающая по глазу младенца

*дамы числом тринадцать:
номер один — Приглашает,
номер два — Наблюдает,*

— Тебе нравится моя поэма, парень?

Ребенок не отвечает ни слова.

— Нравится тебе моя поэма? — настаивает старик.

— Да.

— Читай дальше. Конец мне особенно удался.

Он пролистывал страницы быстро, в такт ударам собственного сердца. Целый мир безумных цветных картинок бросился ему в лицо. Последняя страница была не тетрадной, вложена отдельно. Она была единственной, на которой было что-то написано. Он узнал почерк деда. Если это и была поэма, то очень странная. Больше всего она походила на список имен.

Дамы числом тринадцать:

Номер один — Приглашает,

Номер два — Наблюдает,

Номер три — Карает,

Номер четыре — Разум отбирает,

Номер пять — Страсть внушает,

Номер шесть — Проклинает...

— *Номер семь — Отравляет,* — декламировал дед одновременно с читающим ребенком, без запинки, без единой ошибки. — *Номер восемь — Заговаривает... Номер девять — Взывает... Номер десять — Приговор исполняет... Номер одиннадцать — Прорицает... Номер двенадцать — Знает.* — Он остановился и улыбнулся. — Вот они, дамы. Их тринадцать, их всегда тринадцать, но здесь названы только двенадцать, заметил? Ты можешь упоминать только двенадцать... И никогда, даже во сне, не смей говорить о последней... Худо тебе придется, если сорвется с твоего языка *номер тринадцать!*.. Ты что, думаешь, я вру?

«Старый козел. Твой дед — старый козел». Он собирался с силами, чтобы ответить, пока взгляд его был прикован к этому лицу, разъятому на части безумием:

— Н-нет...

Старик откинулся на спинку кресла, будто бы ответ его удовлетворил или, по крайней мере, слегка успокоил. Мгновение он ничего не говорил. Буря за окнами ревела, словно огромная толпа.

Затем он вновь заговорил, но шепотом:

— Я познакомился с одной из них в Париже... Вернее, это *она* пожелала со мной познакомиться. Выбирают тебя всегда они, не ты их. Ее звали Летиция Милано. Естественно, это не было ее настоящим именем, а это — ее внешностью. — Рука извлекла откуда-то измятую фотокарточку и протянула мальчику. — Узнаешь меня?.. Этот снимок был сделан много лет назад, на бретонском пляже. Вот она, Летиция Милано. Я мог бы многое рассказать тебе об этой женщине, но не буду. Скажу тебе только о ее взгляде. Знаешь, что в нем было, малыш?.. То, что ты только что увидел в этой тетрадке. *Все это.*

Ребенок больше и больше пугался. Он не понимал ничего из того, о чем говорил дед, знал только, что совершил серьезную ошибку, придя этой ночью в его дом. Нечто, внушавшее опасение гораздо более, чем бледность, просвечивало из-под маски лица старика, искажая его черты, заставляя вращаться глазные яблоки, искривляя уголки рта в мимолетные гримасы, пока он говорил.

— Каждая дама может быть различными женщинами, многими женщинами, но мы, те, кто им принадлежит, умеем их узнавать. Они носят на себе знак. Медальон на шее. Видишь его?.. — Он показал на снимок. — Она носила медальон с Акелос, номер одиннадцать, та, что Прорицает... Взгляни на карточку. Какой формы у нее медальон, парень?..

Мальчик не отводил глаз от фото. Почувствовал, как по его голой спине пополз холодок.

— Напоминает... букашку.

— Это паук, — уточнил старик. Он снова выпрямился в кресле, и из его рта вырвался смешок. — Ты вот хочешь стать поэтом, так?.. А разве ты знаешь, что такое поэзия?.. Полагаю, в школе тебе скажут, что суть поэзии состоит в том, чтобы сочинять красивые фразы, которые рифмуются друг с другом... Но много, очень много лет назад жрец укладывал на алтарь младенца, вскрывал, как арбуз, его маленький кругленький животик и, пока вытягивал из него кишки, как длинного, длинного, очень длинного червя, декламировал «красивые» стихи... Настоящая поэзия — это чистый ужас, тебе говорит это твой дедушка...

Внезапно мальчик кое-что понял: плакать в старости — это смотреть так, как в тот момент смотрел на него дед.

— Ты не знаешь... Не знаешь, что именно заставила *она* меня увидеть... Ты понятия не имеешь, парень... Как тебе это объяснить?.. Есть два уровня. — Он поднял руку к глазам, ладонью вниз; рука не дрожала. — Один, тот, что вверху, — это мир, в котором мы живем. Но существует другой, более глубокий, очень глубокий...

Мальчик следил за траекторией опускающейся руки как зачарованный.

— Слои и слои мрака, подземелье, где стих — это такая тварь с красными глазами, которая... — Вдруг он остановился и повернул голову. — Ты слышал это?..

Он поднялся и заглянул за закрытые ставни. Теперь он казался объятым ужасом. Молния на мгновение осветила его застывшее лицо.

— Она обещала, что придет за мной!.. Ей нужны мои стихи... Они тебя избирают по какой-то неведомой причине и бросают в твои мозги семена черт знает каких ужасов, чтобы... чтобы ты написал пару строчек!..

И вдруг, изогнувшись, широко открыв рот, он закричал. Его вопли заставили ребенка содрогнуться всем телом.

— Из-за этого я и вернулся!.. Неужели ты думаешь, что мне есть хоть какое-то дело до этой *паршивой* деревни?.. Но она уже здесь, я видел ее вчера вот из этого самого окна, клянусь тебе!.. Теперь у нее рыжие волосы, а глаза — зимняя ночь... И она хочет моих стихов!.. У меня кровь в жилах стынет при мысли о том, что она может со мной сделать! — И согнулся в приступе рыданий без слез, рыданий, походивших на каучуковую маску, которую кто-то вытягивал из его щек. Вдруг он поднял глаза. — *Не-щ-щ-щ-счастный* ребенок! — прошипел он. — Говорит, что хочет быть *поэтом*!.. Какой глупец!..

Мальчику показалось, что старик сейчас бросится на него. Нервы у него не выдержали, он выпустил из рук тетрадь, схватил свою рубашку и бросился бежать. Пока он бежал из мастерской посреди ночи и сквозь ливень, ему снова послышался голос деда. И он никогда не забудет свое ощущение в тот момент: как будто бы беседа продолжалась, как будто он не

убегал или не он был тем, к кому обращался старик, без конца повторяя одно и то же:

— Прости меня... Умоляю тебя, прости меня... Прости меня...

— На следующий день мастерская не открылась. И через день тоже. И еще день спустя. Через четыре дня зеленые и огромные, как гребни спящих динозавров, волны вынесли на берег его тело. Мои родители скрыли от меня подробности, лишь сообщили, что он погиб. Но один мой приятель, которому случилось быть на пляже, когда вытаскивали тело, рассказал обо всем, что с ним сделали рыбы: о цвете его языка и его крови, о том, что море лишило его лица и мужского достоинства. Мне еще долго снилось это тело. Потом я его забыл. Люди говорили, что в ту грозовую ночь мой дед напился, отправился на волнорез и бросился в море. Но мне не были нужны ни судьи, ни жандармы, чтобы быть вполне уверенным в том, что он мог это сделать. Позже, когда нам передали его вещи, я нашел среди них тетрадь, но ни фотокарточки, ни листка с перечнем дам там не было. Я предположил, что он бросился в море вместе с ними. А теперь ты, Саломон, явился, словно море, и вернул их мне... Надеюсь, ты нам поведаешь, где ты их нашел...

— Это абсурд, — изрекла Сусана.

Она вернулась с пакетом и бумагой для самокруток, но никто не принял ее приглашения. Тогда она сняла кофту, уселась на ковре, вытянула ноги и свернула сигаретку с марихуаной для себя одной. Закурила в тишине, оперев голову на кресло, глаза в потолок. До темноты оставалось немного. Дождь прекратился, но тучи клубились на горизонте поверх парка Ретиро.

— Это полный абсурд. Конечно же, есть рациональное объяснение того, что случилось с Саломоном...

Рульфо был приятен этот глас трезвого рассудка. Час назад, когда он слушал историю Сесара, он уже готов был отпустить тормоза; но, рассказывая о собственных приключениях (которые, по мере того как шло время, казались ему все более и более невероятными), поверил в то, что мир окончательно и непоправимо обезумел. Как могло так случиться, что оба события, разделенные сроком почти в полвека, соотносились друг с другом? То, что Сесар упомянул медальон в форме паука и имя Акелос, заставило его содрогнуться, но не меньшее впечатление произвел тот факт, что он нашел фото и листок деда Сесара в том, чужом доме. Что означают эти совпадения? И он был благодарен Сусане, выступившей в защиту здравого смысла, хотя и был убежден, что она и сама не верила в то, что говорила.

— Ну пожалуйста... Неужто вы всерьез думаете, что некая Лидия Гаретти через сновидения установила связь с Саломоном и этой другой девушкой? И что Летиция Милано и Лидия Гаретти имеют отношение к некой Акелос? Интригует, ничего не скажешь, но абсурд. Конечно, снимок и листок были в доме, ну и что из того? Может, Летиция ее родственница. Кроме того, Сесар, как ты можешь быть уверен в том, что этот листок — тот самый, что показывал тебе дед? С тех пор прошло столько времени...

— Есть вещи, которые не забываются никогда.

— И никогда не упоминаются, по всей видимости. Ты никогда об этом не рассказывал. — Во время последней реплики Сусана повернула голову к Сесару.

— Да я не придавал этому значения. И всегда полагал, что мой дед просто сошел с ума... до тех пор, пока не услышал сегодня историю Саломона.

— История Саломона может иметь множество объяснений, так же как и твоя.

— В твоих словах я не сомневаюсь.

— Я тоже. В чем у меня есть сомнения, так это в твоей интерпретации. — Она обернулась к Рульфо и улыбнулась. — Извини, но должен же хоть кто-то сказать нечто разумное в этот вечерний час, как ты полагаешь?

— Безусловно, — согласился Рульфо.

— Я верю, что тебе снились эти сны и что ты нашел в том доме все, что, по твоим словам, ты нашел, но, во-первых, девушка, которая была с тобой...

— Рабель.

— Именно. Не могла ли она что-то скрыть? Может, она сейчас сидит и потешается над твоей наивностью.

— Не думаю. — Рульфо постарался не выдать свое раздражение, вызванное этим ее предположением. В его намерения не входило слишком распространяться относительно Рабели, он ограничился тем, что представил ее в качестве «свидетеля». — Она выглядела такой же ошарашенной, как и я. Ей снилось то же самое, и пришла она туда по той же причине.

— И вы оба вдруг оказались там одной и той же ночью, и, как по мановению волшебной палочки, дом открывается для вашего визита?.. Да ладно, Саломон, ну ты чего!.. — Она затащила сигарету и куснула ноготь. — Все это было... нагромождением случайностей, которые ты интерпретировал на свой манер... — И она изобразила свою фирменную заговорщическую улыбку. — Я тебя знаю, в том числе и то, что ты всегда был романтиком. Ты всегда мечтал, чтобы с тобой когда-нибудь приключилось нечто, подобное этой истории, разве не так?..

«Странные истории, странные вещи», — подумалось Рульфо. Те, что так не нравятся Бальестеросу. Но тут Сусана была не права: ему они тоже не нравились.

— Но Сесар-то вовсе не романтик, — возразил он. — И именно он подтвердил мою историю. На самом деле я пришел к тебе, Сесар, потому что, кажется, что-то припомнил... Не упоминал ли ты однажды о дамах?..

Сауседа с таинственным видом кивнул:

— Верно, и именно здесь находится другая сторона этого любопытного вопроса, о которой вы пока не знаете. Напряги-ка память: конференция, посвященная Гонгоре^[20], пять лет назад, здесь, в Мадриде... Отовсюду съехалось много народу...

— Теперь вспомнил: обед с тем австрийским профессором...

— Герберт Раушен. Интереснейшим типом он оказался, этот Раушен. На обеде мы сидели за столом как раз друг против друга, и он принялся говорить мне о поэтическом вдохновении. Его теория показалась мне привлекательной. Он полагал, как и греки, что поэт «одержим», то есть охвачен некой внешней силой. Конечно, он имел в виду не дьявола, а «внешние влияния». И тут в один прекрасный момент он меня спрашивает, не знаком ли я с легендой о тринадцати дамах. Для меня это было чем-то вроде дежавю: я моментально вспомнил ту ночь с моим дедом в мастерской и был... Ну, сказать, что я был ошеломлен, будет недостаточно. Я подтвердил, что кое-что об этом слышал. Ты ведь сидел рядом, Саломон, и ты спросил, что это за легенда...

— И никто из вас мне не ответил.

— И правда. Раушен сменил тему, а я был так растерян, что не знал, что сказать. Но я никогда не рассказывал тебе о том, что было дальше. После обеда он пригласил меня прогуляться. Я согласился, заинтригованный, ожидая великих открытий и разоблачений.

Однако начало нашей беседы меня, скорее, разочаровало: он говорил о том, как хорошо он себя чувствует в Испании, о своем желании поселиться здесь (он жил в Берлине), об испанских коллегах, своих знакомых... В общем, ходил вокруг да около, касался различных тем, как будто не решался резко спланировать как раз на ту, которая, я уверен, интересовала нас обоих. Наконец он спросил меня, что я знаю об этой легенде. Я ответил, что почти ничего, и это правда. Я всегда полагал, что вся история была фантазией моего деда. Он как-то странно на меня взглянул и пообещал прислать мне одну книгу. «Это дерзкое и забавное эссе, — объявил он, — но, думаю, вы сможете извлечь из него некоторую пользу». Мы распрощались в тот же день, а неделю спустя я получил по почте испаноязычный экземпляр «Поэтов и их дам» — анонимное произведение, опубликованное первоначально по-английски и по-немецки в середине двадцатого века... У меня до сих пор где-то должна лежать эта книга, потом поищу... И уверяю вас, Раушен ничуть не преувеличил: речь шла о творении бредовом. Я бросил читать на середине, слегка рассердившись. В ней на соответствующих литературных примерах развивалась одна любопытная теория — о существовании некой секты, тайно занимавшейся внушением вдохновения великим поэтам. Автор не пояснял причину, по которой они это делали, он всего лишь приводил примеры, рассказывал истории. — Сесар ненадолго прервался, чтобы налить себе коньяку. Заодно наполнил рюмку и Рульфо, слушавшему его с большим вниманием. — Главных членов этой секты было тринадцать, они называются «дамы». Каждая дама занимает в секте, в соответствии с иерархией, свою ступень и наделяется символом и особым тайным именем. Их миссия — вдохновлять поэтов. «Но с какой целью?» — задавался я вопросом. Однако повторю: книга не давала ответа на этот вопрос. Некоторые дамы вошли в историю: Лаура — источник вдохновения Петрарки, Смуглая леди — для Шекспира, Беатриче — у Данте, Диотима — у Гёльдерлина...^[21] Я прочел только первые главы. Помню, что Лаура, вдохновительница «Книги песен» Петрарки, была, по мнению автора книги, дамой номер один, той, что Приглашает, чье тайное имя было Бакулария и чья внешность — девочки одиннадцати-двенадцати лет, белокурой, очень красивой — была не более чем, как уверял автор, неким *обличьем*... Потому что хотя он и не пускался в объяснения, откуда они взялись, но зато утверждал, что дамы — существа сверхъестественные... В общем, истории показались мне чистой воды фантазиями. Неделю спустя Раушен снова позвонил. Очень интересовался моим мнением об этой книге. Я предпочел отозваться сдержанно. Сказал ему, что теория о существовании тайной секты, взявшей на себя труд вдохновлять поэтов всего мира, по меньшей мере любопытна. Тогда он стал настаивать на следующей встрече. Сказал, что есть нечто, о чем в книге не упоминается и что очень важно и о чем мне надо узнать. Я спросил, что он имеет в виду. «Дама номер тринадцать», — сказал он. Я тут же вспомнил, о чем мне рассказывал дед, и спросил Раушена, почему ни в коем случае нельзя называть эту даму, а также почему это так важно. Но он хотел все это обговорить спокойно и обстоятельно. Я объяснил, что сейчас очень занят, и мы отложили встречу.

— А что было потом? — задала вопрос Сусана.

— Потом было то, что он мне больше не позвонил. И я позабыл и об этой теме, и о Герберте Раушене. В то время я как раз занимался тем, что сворачивал свои университетские дела, и потерял его след. Думаю, он все еще живет в Берлине. Но в любом случае мне представляется, что объяснение всего, что случилось с Саломоном, вовсе не обязательно должно иметь сверхъестественную природу... Речь может идти, например, о секте, которая сохранилась до наших дней. Розенкрейцеры, масоны и многие другие ведут свое

происхождение от гораздо более древних обществ... Вполне возможно, что-то подобное имеет место и в случае с дамами. Группа из тринадцати женщин, например. И одной из них могла быть Лидия Гаретти.

— Эта теория видится мне более приемлемой, — сказала Сусана. — Мы живем в век разных сект.

Сесар с воодушевлением потер руки:

— Предлагаю попытаться собрать всю возможную информацию об этом деле. Я постараюсь разыскать эту книгу и разузнать, где сейчас находится Раушен... Сусана, ты, кажется, знакома с парой-другой журналистов: как ты думаешь, не сможешь ли ты раздобыть какие-нибудь сведения о Лидии Гаретти — из тех, что не попадают в печать? Реально это все или нет, но совершенно точно, что эта женщина держала в доме фотокарточку и текст, собственноручно написанный моим дедом... Невероятно!.. Одного этого достаточно, чтобы мне захотелось узнать о ней побольше...

— Хм, — произнесла Сусана, — хорошо, я согласна сыграть роль следователя. — И добавила, улыбаясь Рульфо: — Хотя бы исключительно в память о прежних временах...

Он ушел от них довольно рано, когда только начало смеркаться. Всю дорогу история, которую поведал Сесар, бурлила и клокотала у него голове. С ним творилось что-то в высшей степени странное: ему представлялось, что та фотокарточка и та бумага были именно там, в доме Лидии, именно для того, чтобы он их нашел и, следовательно, чтобы Сесар вспомнил все случившееся с его дедом и о своих встречах с Гербертом Раушеном. Как будто бы события, пережитые Рульфо с тех пор, как он начал видеть кошмары, представляли собой разрозненные фрагменты, которые ему нужно постепенно собрать и соединить в общую картину.

До улицы Ломонтано он добрался, когда полностью стемнело. Припарковал машину, заехав на поребрик, и направился к дому по практически пустой улице. В голове крутился вопрос: позвонить ли Ракели, как только войдет в квартиру, — всего лишь поинтересоваться, все ли с ней хорошо, или спросить, не согласится ли она на встречу завтра? Чувствовал он себя совершенно измотанным.

Достал ключ от парадной,

вверх-вниз

когда его услышал: ритмичные звуки, какой-то

вверх-вниз, вверх

стук за его спиной, обычный звук среди множества других.

Вверх-вниз, вверх-вниз...

Он обернулся и увидел на противоположном тротуаре девочку. У нее были очень светлые волосы, пряди которых падали ей на лицо. Одета она была как побирушка. Она играла с красным мячиком, заставляя его подскакивать на асфальте. На груди ее что-то поблескивало, что-то вроде золотого медальона.

Девочка смотрела на него.

И улыбалась.

Мяч продолжал прыгать по той же траектории, между ее рукой и тротуаром: вверх-вниз, вверх-вниз...

Вдруг она взяла мяч в руки и пошла прочь.

«Девочка с белокурыми волосами, хотя это не более чем ее обличье».

Засомневавшись в сохранности собственного рассудка, он все же решил пойти за ней.

Узкие центральные улицы Мадрида напоминают галлюцинации, где соединяется похожее и различное. Девочка, однако, вполне уверенно продвигалась к своей цели. Она покинула улицу Ломонтано, свернула под прямым углом, обогнула припаркованный на тротуаре мотоцикл и компанию молодежи, двигавшуюся ей навстречу.

Рульфо предусмотрительно держался на некотором расстоянии позади нее. В один прекрасный момент, после того как она еще дважды свернула за угол, он потерял ее из виду. Оглянувшись по сторонам и заметил девочку возле витрины продуктового магазинчика, где были выставлены кувшинчики с медом. Она тут же снова двинулась в путь. «Она ждала меня, — подумал он. — Никаких сомнений, она хочет, чтобы я шел за ней».

Волосы девочки в свете фонарей отливали иридием, ее отражение дробилось в никеле луж. У Рульфо появилось сводящее с ума впечатление, что никто, кроме него, не видит девичью фигурку, но вдруг идущие рука об руку пожилые супруги обратились к ней, желая, без сомнения, спросить, не заблудилась ли она и не нужна ли ей помощь. Девочка сделала вид, что не расслышала, и продолжила свой путь. Итак, это вовсе не некий продукт деятельности его мозга, не призрак какой-нибудь: девочка существует, и он идет вслед за ней.

Они миновали небольшую площадь, потом не слишком оживленную улицу, а затем свернули в другую, еще более безлюдную. И вот тут девчушка скрылась из виду, шмыгнув внутрь обшарпанного здания из позеленевших от времени кирпичей. Рульфо осмотрел строение и насчитал четыре этажа. Он вошел в вестибюль и нажал на кнопку старого пластмассового выключателя — загорелась единственная электрическая лампочка. С лестницы до него доносилось шлепанье босых ног. Он взглянул вверх — как раз вовремя, чтобы заметить светлую девчоночью головку над перилами. И стал подниматься вслед за ней. Дойдя до третьего этажа и пошарив по стене в поисках выключателя, он вновь зажег свет. Девочки там не было, но ее шаги были слышны у него над головой. Дошел до четвертого и в изумлении остановился. Здесь тоже никого не было. Однако же и лестница, и звуки продолжались. Наверное, в доме была терраса на крыше или чердак.

Он поднялся выше и достиг следующей площадки, погруженной во тьму. Здесь выключателей уже не было, но в последних отблесках желтого света с нижних этажей он смог разглядеть чуть дальше еще одну дверь. Она была открыта.

Вдруг что-то произошло.

Банальная, в сущности, вещь, но она повергла его в безумие страха. Из темного проема двери выскочил мячик, подпрыгнул три раза, задел его ноги, словно котенок, ударился о стену, потом о перила. Рульфо следил за его траекторией, подобно игроку в бильярд, который провожает взглядом шар, решающий исход партии. Когда мяч остановился, он подумал, что девочка появится вслед за ним. Но этого не случилось.

Стояла полная тишина.

Не очень хорошо понимая, что ему следует предпринять, он наклонился и поднял мяч.

— Ты подашь мне его? — прозвучал наконец нежный голосок из темноты, что царила за дверью, голос, походивший на звучащий хрустальный свет.

Это был, без всякого сомнения, голос девочки. Рульфо слышал только собственное дыхание, будто у него заложило уши.

— Так ты мне его дашь? — вновь прозвучал вопрос.

— Я тебя не вижу. Где ты?

— Дашь мне его? — повторила она.

Пространство по ту сторону порога было густого, без оттенков, черного цвета. Должно быть, там было какое-то закрытое помещение, возможно чердак.

— Почему ты не хочешь мне показаться?

На этот раз ответа не последовало. Он сделал шаг и окунулся в темноту, чувствуя, что желудок его превращается в кусок льда.

И тогда он ее обнаружил, или ему показалось, что обнаружил, прямо перед собой: размытые пряди волос на уровне своей груди. Он протянул руку, в которой держал мячик, и красный шар, казалось, проплыл по воздуху из его пальцев в другие руки, поменьше.

Он не мог видеть черты лица этой девочки, но теперь различал не только волосы (волну света), но и что-то похожее на белую тень ниже ее головы, — быть может, это была пелерина на замызганном платье, в которое она была одета, — блеск (медальон?) и круглую поверхность мяча.

Молчание ее было абсолютным. Он не слышал даже ее дыхания.

— Кого ты ищешь? — неожиданно спросила девочка.

— Что?

— Кто те, кого ты ищешь?

Он принялся раздумывать над странным вопросом. Что же он в действительности ищет? Разве он что-то ищет? Искал ли он что-то с того самого момента, как все это началось?

Множественное число заставило его заподозрить, что на этот вопрос возможен только один ответ.

— Дамы, — сказал он. По его спине сбегала струйка ледяного пота.

Облако волос шевельнулось, проплыло мимо него, вышло на площадку. Лестница снова жалобно заскрипела под босыми ногами.

Свет успел погаснуть, и Рульфо пришлось спускаться в полной темноте. Когда он щелкнул выключателем и заглянул в лестничный проем, то смог различить голую ручку, скользящую по перилам.

Девочка его намного опережала, поэтому ему пришлось прыгать через ступеньки, но когда он оказался в вестибюле, то не нашел ее. Чертыхаясь сквозь зубы, он выскочил на улицу. Он ее потерял, невероятно!

Недоумевая, он снова зашел в парадную. За рядом почтовых ящиков увидел другую лестницу, которая спускалась вниз и упиралась в закрытую дверь. Это наверняка был вход в небольшой подвал, в котором располагались счетчики, судя по доносившемуся звуку.

Тут ему в голову пришла абсурдная мысль: «Ведь она задала ему свой вопрос в самой высокой точке здания, а что, если сейчас она ждет его там, в самом низу?»

Вверх-вниз.

Мысль была абсурдной. Девочка не могла войти в этот подвал так, чтобы он этого не заметил. Правду сказать, он вообще был уверен в том, что дверь заперта на ключ.

Вверх-вниз.

Несмотря ни на что, он подумал, что ничего не потеряет, проверив. Он спустился по короткой лесенке и повернул дверную ручку. Дверь не была заперта. Это действительно было помещение для счетчиков. Сенсорный выключатель света в вестибюле тихо попискивал. Комнатка была малюсенькой, но, в отличие от чердака, полностью просматривалась благодаря свисавшей с потолка лампочке, которую Рульфо зажег, нажав на кнопку выключателя на стене. Ведро и другие принадлежности для уборки стояли в углу. Пахло хлоркой и плесенью.

Девочки там не было.

А за его спиной?

Он обернулся, надеясь ее увидеть. Но еще раз ошибся. Никого не было. Он глубоко вздохнул и толкнул дверь, намереваясь закрыть ее,

и увидел

девочку, стоящую

в комнате со счетчиками, заслоняя своим телом все те вещи, которые какую-то долю секунды назад он мог видеть без всяких помех. Он еле сдержал вырвавшийся крик, словно неожиданно наткнулся на тарантула в собственном доме. Ему показалось, что воздух сгустился и породил эту небольшую фигурку.

Девочка уже не улыбалась:

— Почему ты их ищешь?

Свет лампочки позволял рассмотреть ее намного лучше, чем раньше. Она выглядела несколько старше, чем ему показалось вначале, лет одиннадцати-двенадцати: белокурые волосы, тугие локоны, лежавшие на плечах, василькового цвета глаза со снежной белизны белками. Ее темно-зеленое платье с белой пелериной во многих местах, особенно по подолу, было порвано, и сквозь дырки на юбке виднелись тонкие ноги. Золотой медальон был в виде лавровой ветви. Красный мяч в ее руках забавно контрастировал с цветом платья и кожи, кожи такой белизны, какой Рульфо до того момента видеть не доводилось, — это была белизна холодного минерала, борной кислоты, на которой вены выглядели как трещины на разбитом, а потом склеенном фарфоре.

Она была поразительно красива.

— Почему ты их ищешь? — повторил свой вопрос очень звонкий, но лишенный всякой интонации голос.

— Хочу с ними познакомиться, — пробормотал он.

Девочка снова шевельнулась. Двинулась прямо на него. Рульфо посторонился и дал ей пройти. Он припомнил подарок, полученный однажды от родителей: игра в самые простые вопросы, в которой маленькая фигурка при помощи магнита наводила указку на правильный ответ на бумажном поле. В тот момент он подумал, что девочка вела себя точно так же. В ее движениях не было ни тени эмоций: он отвечал — она передвигалась из одной точки пространства в другую. Единственное отличие заключалось в том, что на этот раз он не знал, правильны ли его ответы.

«Бакулария. Та, которая Приглашает».

Девочка вышла на улицу, Рульфо отправился за ней. Было холодно. Он видел, что она остановилась на тротуаре, прижав к себе красный мяч.

— Каким образом ты их ищешь? — спросила она, когда он приблизился.

«Ритуальные вопросы. Как будто оценивает, могу ли я быть „приглашенным“».

— Следуя за тобой, — произнес Рульфо без тени сомнения.

В это мгновение девочка пересекла мостовую и толкнула огромную двустворчатую дверь, расположенную как раз напротив дома. Рульфо это строение с первого взгляда показалось старым гаражом, но, подняв глаза, он прочел вывеску над входом — составленное из погасших лампочек слово «Театр».

Он подошел и заглянул внутрь. Его взору предстал грязный вестибюль. В противоположном его конце он увидел чуть приоткрытую дверь, откуда шел тусклый свет. Девочка исчезла. Он отворил дверь и оказался в небольшом зале, в противоположном конце которого виднелась сцена, заставленная строительными лесами и металлическими конструкциями. Рампа была выключена, однако светильники в партере поблескивали. В театре находился еще один человек: с правой стороны в первом ряду сидел мужчина. Царившая тишина казалась неким предзнаменованием. Рульфо двинулся по центральному проходу и, дойдя до первого ряда, взглянул на незнакомца. Он был довольно солидного возраста, с густыми седыми волосами, симпатичной бородкой, в очках в золотой оправе. Одет он был элегантно: синий костюм, рубашка в голубую полоску и желтый галстук.

— Присаживайтесь, сеньор Рульфо, — обратился к нему мужчина, не взглянув на него, однако церемонно указав рукой на соседнее кресло.

Рульфо не очень впечатлил тот факт, что им известно его имя и что ему показывают, что его ожидали. Он послушался и опустился в кресло. Едва касаясь прямой, словно негнущейся спиной спинки кресла, мужчина продолжил говорить каким-то механическим голосом, не глядя на собеседника:

— Чего вы от них хотите?

Рульфо пришло в голову, что он начинает понимать эту игру в вопросы и ответы.

— Не знаю, — ответил он. — Возможно, познакомиться с ними...

Мужчина покачал головой:

— О, нет-нет. Это они желают познакомиться с вами. Работает все именно так: именно они повелевают, а мы им подчиняемся... Должен сказать, что это большая честь. Они никого так скоро к себе не допускают. Но вам они отворят дверь. Большая честь для чужака.

— А какое вы имеете к ним отношение?

— *Все мы* имеем к ним некоторое отношение, — ответил тот. — Правильней будет сказать так: они — во всем. Но в вашем случае я не обольщался бы: в ваших руках оказалось нечто, что принадлежит им, и они желают вернуть эту вещь. Вот так, запросто.

— Что вы хотите этим сказать? — задал вопрос Рульфо, хотя догадывался, о чем идет речь.

— Имаго.

— Фигурка, которую мы достали из аквариума?

— Естественно, а что другое может иметься в виду? Вы меня просто удивляете. — Произнося эти слова, мужчина улыбался.

Но, присмотревшись к выражению его лица, Рульфо понял, что улыбка эта вымученная — словно кто-то расположился за его спиной и держит на мушке.

— Могу я поинтересоваться, сеньор Рульфо, как вы с этой девушкой поступили с имаго?

Рульфо задумался над ответом. Он не хотел разболтать, что фигурка осталась в доме Ракели.

— Раз уж вы знаете все детали истории, почему бы вам не знать и об этом?

— Имаго должно находиться внутри тканевого чехла, под водой, — провозгласил этот господин, уклонившись от ответа, — в условиях полного устранения. Это очень важно.

Верните фигурку, и все будет хорошо... Они сообщат вам, когда и где вы встретитесь. Но хочу сделать еще одно предупреждение, — продолжил он тем же ровным тоном. — На эту встречу могут прийти только вы и эта девушка, с фигуркой. Вы меня поняли, сеньор Рульфо? Оставьте своих друзей за рамками этого дела. Вопрос этот касается только вас, девушки и их. Я ясно выражаюсь?

— Да.

Рульфо содрогнулся. Откуда они знают, что он только что беседовал с Сесаром и Сусаной?

И тут господин в первый раз повернулся к Рульфо лицом и взглянул на него:

— Они пожелали, чтобы я сообщил вам, что я их однажды предал... и за это заплатила моя дочь. Меня зовут Блас Маркано Андраде, я театральный антрепренер.

И в этот момент, как будто прозвучавшие слова были оговоренным сигналом, огромный духовой оркестр из никому не видимых музыкантов озарил блеском металла сцену и одновременно зажглись ослепительные огни рампы. Из-за кулисы появился чей-то силуэт. Это была юная худенькая девушка с каштановыми волосами. Одета она была в обтягивающее фигуру трико цвета сырого мяса и на вид была лет шестнадцати-семнадцати. В чертах ее лица проглядывало легкое сходство с лицом Маркано. Приняв грациозную позу, она склонилась в приветственном поклоне, словно перед ней был полный зал.

— Она была моей дочкой, — сказал Маркано совсем другим тоном, словно ему в первый раз было позволено выразить свои чувства.

Девушка продолжала приветствовать зал и посылать в партер воздушные поцелуи, изящно сгибаясь в такт визгливому вальсу, но, пока Рульфо ее разглядывал, в голове его зародилась в высшей степени странная и при этом ужасающая уверенность.

Девушка была мертва.

Она склонялась, улыбалась, посылала воздушные поцелуи, но она была мертва.

Эта девушка уже давно умерла. Он понял это как раз в ту секунду.

Девушка закончила раскланиваться и покинула сцену, удалившись за ту же кулису, из-за которой вышла. Музыка смолкла, завершившись финальным звоном литавр, и сцена вновь погрузилась во мрак.

— Их наказания ужасны, — произнес Маркано в воцарившемся молчании. — Верните им фигурку, сеньор Рульфо.

Огни в партере стали блекнуть в тот самый момент, когда Маркано застыл в параличе, словно завод его внутреннего механизма закончился.

Рульфо встал, отыскивал выход и, тяжело дыша, вышел на улицу.

V. Фигурка

Тем вечером девушка возвратилась очень поздно, процокала каблучками через двор, вставила ключ в замочную скважину, повернула его, открыла дверь и почувствовала, как сердце ее упало. В маленькой гостиной горел свет. Походный фонарик был включен, и пахло табаком, но не того сорта, который имел обыкновение курить Патрисио.

Она узнала, кто это, до того, как услышала голос:

— А я и не знал, что у тебя привычки лунатика. Жду тебя здесь уже по меньшей мере два часа.

Стоя на пороге, девушка набрала в грудь воздуха, зажмурила глаза и постаралась собраться с силами. Визит этот был жестоким сюрпризом под конец такого утомительного дня, но она знала, что клиенты могли приходить когда им вздумается.

Патрисио раздал дубликаты ключа от ее квартиры всем, кто хорошо платил, и она была обязана принимать посетителей, в какое бы время они ни заявились.

Она собралась с духом, вошла в квартиру, закрыла дверь на ключ и направилась в гостиную.

Мужчина удобно устроился на обшарпанном диване, широко расставив ноги. Одет он был как всегда: темный костюм, рубашка в серую полоску и бело-сине-серый галстук. Сорочка и галстук повторяли контуры выпирающего живота. Рука с сигаретой периодически поднималась вверх. Его рыхлое, нездорового цвета лицо было прорезано солнечными очками и вечной улыбкой. Очков этих он никогда не снимал. И никогда не переставал улыбаться. Имени его она не знала.

Она поздоровалась и, не услышав ответного приветствия, сделала еще два шага и остановилась перед ним.

— Ты не считаешь нужным извиниться?

— Мне жаль.

Она знала, что все это было не чем иным, как фрагментами любимой игры этого мужчины в черных очках — унижения. Естественно, она не чувствовала себя виноватой, вернувшись домой в это время. По пятницам и субботам встреч с клиентами было немало, к тому же ей пришлось зайти в клуб — мерзкий притон с красными стенами, расположенный в подвале придорожного борделя, — зайти, чтобы получить информацию о своих ближайших свиданиях. Единственное, чего она хотела, покончив с делами, так это закрыть глаза и отдохнуть — насколько это было возможно. Однако ее жизнь ей не принадлежит, она знала об этом. И отдых тоже.

— И это все, что ты хочешь сказать?

И тут ее мысли обратились в другую сторону.

Запертая комната.

Этот тип утверждает, что прождал ее здесь довольно долго. Но... ограничился ли он ожиданием, сидя на этом диване? Нет, вероятнее всего, он прошелся по всей ее крошечной квартирке, зайдя и в эту комнату.

А если было именно так, то что он предпринял?

Ей до смерти хотелось проверить, все ли в порядке. Но сделать этого она не могла. Пока еще нет.

Носок его ботинка ткнулся в ее левую ногу.

— Повторяю: так ты извиняешься?.. Просто «мне жаль»?

Мужчина по-прежнему был спокоен, он удобно устроился на диване, держа толстыми пальцами сигарету, улыбаясь и произнося слова мягко, почти ласково, с надменным выражением каменного вседержителя на лице. Однако ей было хорошо известно, *каким* он был в действительности. Его манеры не могли ее обмануть. На самом деле он был *худшим* из всех.

Человек этот имел обыкновение появляться неожиданно, посреди ночи, к тому же его визиты были незабываемы. Большинство клиентов приходило к ней, желая развлечься, но единственное, чего жаждал господин в черных очках, так это ее страданий. Девушка боялась его еще больше, чем Патрисио.

Она встала на колени и склонила голову. Убирать волосы нужды не было — на работе она всегда носила их собранными в пучок.

— Я сожалею, — повторила она.

Очки, вороном вздыбившись над улыбочкой, внимательно смотрели на нее.

— Ты меня разочаровываешь. Мой пойнтер и то делает это гораздо лучше тебя...

Девушка глубоко вздохнула. Она знала, чего он добивается и чем все это должно закончиться.

Не поднимаясь, она сняла куртку, стянула через голову свитер и начала расстегивать пуговицы на юбке. В черных стеклах очков призывно отразилось ее тело. Потом она стянула сапожки, чулки и трусики — достаточно быстро, чтобы не раздражать мужчину, но стараясь не повредить ни одной вещи. Раздевшись полностью, она просто вытянулась на полу, привыкнув делать это уже тысячу раз. Холод плитки на полу, как и жесткость металла колец и колье Патрисио, с которыми она никогда не расставалась, проникли в ее тело, и она потянулась губами к роскошным мужским туфлям. Туфли пахли новой кожей.

Она высунула язык.

Резкий, неожиданный рывок за волосы заставил ее поднять голову.

— Открой глаза, — проговорил мужчина изменившимся тоном.

Она подчинилась. Рука вновь дернула за волосы, и девушка слегка приподнялась, немного, пока не оказалась на коленях. Перед ее глазами раскачивался мешочек из плотной ткани.

— Где она?

Ее глаза медленно переместились с мешочка на солнечные очки. Ни следа улыбки на лице мужчины не осталось.

— Я нашел только филактерию. Где сама фигурка?

Мужчина все тянул ее за волосы и одновременно, другой рукой, раскачивал перед ее лицом мешочек. В первый момент она растерялась — не понимала, о чем он говорит. Но вдруг вспомнила все. Как будто ощутила укол страха.

— Не знаю, — сказала она.

— Конечно же знаешь. — Мужчина дернул ее за волосы один раз, потом другой. — Не вздумай мне врать. Даже не помышляй.

[Купить полную версию книги](#)

Перевод М. Лозинского. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Сернуда Бидоу Луис (1902–1963) — выдающийся испанский поэт и литературный критик, представитель так называемого поколения 1927 г.

Тортилья — испанский омлет с картошкой.

«Даю, чтобы ты дал» (*лат.*) — формулировка одного из принципов римского права.

Оссобуко — традиционное блюдо итальянской кухни — тушеная телячья голяшка.

Блейк Уильям (1757–1827) — английский поэт и художник.

Браунинг Роберт (1812–1889) — английский поэт.

Бёрнс Роберт (1759–1796) — шотландский поэт.

Мильтон Джон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель.

Неруда Пабло (1904–1973) — чилийский поэт и дипломат, лауреат Нобелевской премии по литературе (1971).

Гарсия Лорка Федерико (1898–1936) — испанский поэт, драматург, музыкант, график, центральная фигура «поколения 1927 г.».

Тициан (Тициано Вечеллио) (ок. 1476/77 или 1489/90–1576) — итальянский живописец, глава венецианской школы Высокого Возрождения.

Ватто Антуан (1684–1721) — французский живописец и рисовальщик.

Мане Эдуар (1832–1883) — французский живописец, один из основоположников импрессионизма.

Под защитой луны молчаливой (*лат.*; песнь 2, стих 255); пер. С. Ошерова.

Слово «ретиро», служащее названием парка, имеет в испанском языке несколько значений, среди них — «уединение, скромное убежище, выход в отставку, удаление на покой». На этой многозначности основана игра слов в следующем предложении.

«Дьяволята Ундервуд» (Diablitos Underwood) — марка консервированного ветчинного паштета.

Кроули Алистер (1875–1947) — английский поэт, оккультист, каббалист и таролог, известен как черный маг и сатанист.

Кейтеринг — система доставки готовых блюд.

Гонгора-и-Арготе Луис де (1561–1627) — испанский поэт, основатель барочного направления в испанской поэзии.

Гёльдерлин Фридрих (1770–1843) — немецкий поэт-романтик.